

Ф 528

В ФЕДОСЕЕВ

Светловый
рисунок

ОРИЗ ФИЗИКУЛЬТУРА И ТУРИЗМ

796
Ф. 338

В. М. ФЕДОСЕЕВ

СЕВЕРНЫЙ РЕЙД

356096 к

КЛАССИФИКАЦИЯ
ИЗДАНИЯ

2400 километров на лыжах из Москвы
к Северному Ледовитому океану по Карелии,
Беломорью и Кольскому полуострову

ОГИЗ — ФИЗКУЛЬТУРА И ТУРИЗМ
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

2000

Обложка работы худ. В. А. Филиппова

91 (47)
Ф 33

2010

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Северный рейд был задуман как переход советских рабочих в скандинавские страны: из Москвы по советской Карелии, Кольскому полуострову через Мурманск и Александровск к Рыбачьему полуострову. Затем — Норвегия от Вардс до Осло и Швеция до Стокгольма.

По целому ряду обстоятельств, не зависевших от участников, осуществить зарубежную часть перехода не удалось.

Печатаемые ниже очерки освещают первую часть перехода — по СССР.

ЛЮДИ В БЕЛЫХ КОСТЮМАХ

Дом стоял на горе. Впереди раскинулась беспредельная ширь Топ-озера. Белая пелена снега сливалась с горизонтом, и темные пятна островов лишь подчеркивали эту беспредельность и бескрайность.

Было очень холодно. Может быть 30, может быть 40 градусов. Во всяком случае наши ботинки сразу сделались каменными, а озеро ворчалло, как собака, у которой отнимают кость, — трескался лед.

Слева из-за лесного наволока поднималось солнце и золотило верхушки сосен. Справа над островом остановилась круглая луна, совсем лишняя здесь рядом с солнцем. Таковы шутки Севера.

Дом стоял на горе. А внизу, скованный льдами, остановился небольшой катер. На его мачте горит крохотная электрическая лампочка, и острый северный ветерок играет красным флажком. Беспокойные люди на Севере, непоседливые. Даже катеру не дают отдохнуть. В его маленьких каютках живут люди, которые совсем недавно выстроили этот дом на горе.

Из дома вышли одиннадцать мужчин и одна собака.

Станный вид даже для Севера. Когда-то белоснежные маскировочные костюмы слегка порыжели теперь от винтовочных ремней и походных сумок. Лицо каждого — коричнево, как у жителей Юга. Глаза озабочены, но бодры и щурятся от яркого солнца.

Девять мужчин быстро одели лыжи и, вытянувшись в струнку, заскользили вниз к озеру, слегка покачиваясь от тяжелых заплечных сумок. А двое и собака остались и долго смотрели им вслед, пока белая цепочка не скрылась за наволоком. Тогда завыла собака, и шерсть встала у нее дыбом.

Да, мы остались. Мы проведем в этом доме целые сутки. Каждые семь минут, проведенные здесь, отдаляют нас от товарищей на один километр. Но мы должны их догнать. Мы будем делать три километра там, где они делают один. Мы будем отдыхать час там, где они отдыхают три. Мы на-

гоним товарищей по их следам дальше к северу в пограничной зоне, где-нибудь у Тумчи или Вермана.

А теперь не терять ни одной минуты. Мы остались для беседы с вами, читатель. Это — приказ наших товарищей, которые уже вышли теперь вероятно из-за наволока и свернули к порогам. Мы остались здесь, чтобы рассказать вам о себе, обо всем, что мы думаем, что мы знаем. Другого исхода у нас не было. Семьдесят километров в день нелегко даются. После них хочется лежать без движения, закрыв глаза. А так лучше. Так мы сэкономим силы. Хотите выслушать нас? Так будем беречь время!

Не смотрите на нас такими странными глазами. Мы вовсе не белые и совсем не белофинны, несмотря на то, что костюмы сшиты у нас из самой лучшей и самой белой технической байки. Но мы и не красноармейцы, хотя каждый из нас был в Красной армии, а тот маленький даже совсем недавно вернулся с Дальнего Востока.

Пусть вас не смущают красные звезды на шлемах, винтовки, патронные сумки и тяжелые вещевые мешки. Мы — самые мирные и вместе с тем самые воинственные люди на земле, мы — простые рабочие, ударники-металлисты, которые еще совсем недавно стояли у станков в далекой отсюда Москве и держали в руках не эти лыжные палки, а молотки, зубила и сварочные горелки.

Что забросило нас сюда, на Север? Наша лыжня тянется уже на две тысячи километров. Мы пришли к подножью гор, за которыми лежат Кандалакша, хибинские апатиты, Мурманск и Рыбачий полуостров, и скоро носки наших лыж окунутся в теплые воды Гольфштрема.

Мы делали по семьдесят, восемьдесят и даже девяносто километров в день. И все-таки мы были не только лыжниками.

Из центра Советского союза, от фабрик и заводов, мы прошли районами хлеба, льна, молока, скота, пушнины, леса, и впереди нас ждут районы рыбы, оленеводства, апатиты, горная руда и морские промыслы. Мы измерили своими муртомовскими лыжами длинные и скучные поля центральной России, непроходимые медвежьи леса Заонежья, проложили лыжню по нескончаемым озерам Карелии и перевалим Хибин, чтобы спуститься по тундрам Лапландии, к Северному Ледовитому океану.

Мы встречали на пути карелов и финнов и скоро будем запросто, по-товарищески говорить с лопарями, ижемцами и норвежцами, как добрые старые знакомые.

Мы проходим сейчас глухими пограничными зонами, где деревня в четыре избы называется Большой Тикшей, и идти до нее десять часов на лыжах.

Нас одиннадцать. И одна служебная собака. Я иду сзади с собакой и на каждом повороте отчетливо вижу всю шеренгу.

Эффектно, чорт возьми! Десять „белых чертей“ отчетливо взмахивают палками и легко скользят лыжами по крепкому насту.

Не шутите с нами. На легких лыжах с быстротой 10 километров в час в глухие медвежьи углы Советской страны мчит тяжелая артиллерия индустрии.

Нас одиннадцать. Но за плечами у нас 62 тысячи рабочих. „Серп и Молот“—Саша Покаев, АМО—Али Шекланов, Электрозавод—Саша Тетерин и Миша Ерков, Люберецкий завод сельскохозяйственных машин—Коля Воронцов, „Компрессор“—Володя Федосеев, „Котлотурбина“—Жоржик Устрицев, Краснознаменный, ударно-коммунистический тормозной завод—Володя Елизаров, Мытищинский вагоно-строительный завод—Сереза Пульков, Орехово-зубовский завод им. Барышникова—Ваня Картошкин, завод им. Владимира Ильича—Ваня Корнеев,—эти и разве только эти заводы-гиганты мы представляем.

Мы умеем не только хорошо держать в руках лыжные палки и быстро скользить финским ходом. Мы умеем делать автомобили, трансформаторы, моторы и электрические лампы, вагоны и лучшие к ним тормоза Казанцева, рельсы, гвозди, проволоку и листовое железо, плуги, сеялки, веялки, бороны, котлы, компрессоры, холодильные машины, турбины и экономайзеры—и делать так, как этого требуют социалистические темпы пятилетки: крепко, точно и быстро. Иначе мы не имели бы права называться ударниками.

С нами собака. Ее зовут Белла. Она—немецкая овчарка и имеет два номера: номер 12—в нашей команде и номер 530—в семье служебных собак.

Она—простая собака. Не рекордсменка. Она не имеет золотой медали, так же как и мы, простые рабочие.

И если за нами стоят 62 тысячи рабочих, то она—делегат десятков тысяч честных советских четырехногих граждан. И если мы умеем делать автомобили и холодильные машины, то она умеет носить вьюк с патронами и аптечкой, подтягивать уставшего лыжника, доставлять донесения и отыскивать раненых, сторожить советскую границу, находить по следам человека, прыгать через заборы и лаять, когда ее об этом попросят.

Что же все-таки привело нас сюда, на Север?

Здесь шли бои с белофиннами. Часть, не умеющая стоять на лыжах, беспомощна здесь, как ребенок. Мы хотели своими глазами посмотреть на места жестоких боев за советскую Карелию, где пали наши лучшие товарищи, и еще раз проверить, можем ли мы, московские рабочие, крепко держать в руках винтовки, не ослабли ли наши мышцы, не притупились ли зрение и слух, готовы ли мы к обороне.

Мы хотели еще и еще раз проверить, как лучше держаться красноармейцу на лыжах, чтобы наши отряды не уступали финнам, чтобы советские снежные границы были на крепком замке.

Наш переход — это жестокая проверка не только механизмов наших тел, это экзамен нашей политической боеспособности.

Перед нами — два труднейших маршрута, которые неразрывно переплетены друг с другом.

Первый — глухие лесные дороги и звериные тропы, пурга и грязные оттепели, неприступные скалы и холодные тундры.

Второй — горячие дни подготовки весеннего сева, голод на агрономов и учителей, звериная кулацкая хватка, рождение колхоза, трудное, как взятие Перекопа, упорная, кропотливая борьба в лесу за новые социалистические формы труда, за советское зеленое золото.

И если мы пройдем лесными дорогами и звериными тропами, не заблудившись, сквозь пургу и грязные оттепели, если мы пересечем неприступные скалы и холодные тундры, то мы заявляем вам:

Наша лыжня не минует колхозов. Мы остановимся там, где нужна скорая пролетарская помощь. Мы будем помнить о плугах и сеялках для Узмени, агрономах и врачах для Шим-озера и хомутах для колхоза Спицыно.

Мы заглянем в лесные избушки, чтобы позвать нашим товарищам-лесорубам руку и научить их работать по-новому, по-социалистически, и поднимем волну ударничества на лесном фронте.

Мы пройдем вдоль границы, за которой шевелятся фашистские гадины, — пусть почувствуют нашу силу!

Наши лыжи оставляют след на снегу. Если мы оставим след в памяти тех сотен тысяч бедняков, батраков, колхозников и лесорубов, которых мы встретим на своем пути, если хоть чуточку энтузиазма московских рабочих останется с ними — значит, наши усилия не пропали даром.

Вот что привело нас сюда, на Север.

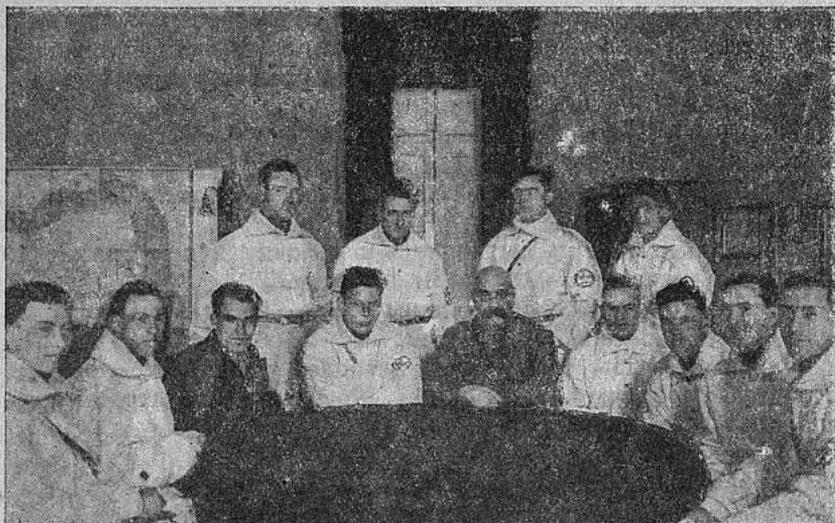

Рис. 1. Участники перехода на приеме у С. С. Каменева в Реввоенсовете.

Значит, мы не только физкультурники. Мы прежде всего рабочие и общественники. Мы — ударная оперативная бригада, поставленная на лыжи.

Теперь вы знаете, кто мы такие. Вам понятны наши странные маскировочные, военизированные костюмы и полевые сумки, туго набитые книгами, сводками и сжатыми записями.

ЗУБР

Мы отошли всего каких-нибудь 20 километров от московской Бутырской заставы, где наши товарищи, рабочие с тормозного завода, тепло попрощались с нами и заодно вымазали наши снежные костюмы несмываемыми пятнами масла и копоти.

Собака нервничала и кусала носки лыж, а ребята качались, как пьяные, от сверхперегруженных мешков.

Тяжело было отрываться от Москвы.

Старт был скромным и быстрым. Мы выстроились у ворот Краснознаменного тормозного завода на Лесной улице и выслушали краткое напутственное слово от Высшего совета физической культуры и рабочих-металлистов. Повернулись направо, вскинули лыжи на плечи (в Москве было мало снега) и по команде: „На север — шагом марш!“ двинулись.

Действительно нам предстоит пройти на лыжах вот от этих красных заводских корпусов, от знакомой Бутырской заставы сквозь вьюги, снег и морозы к далеким берегам Северного Ледовитого океана.

Шли молча. Еще раз взвешивали свои силы. Изредка бросали короткие фразы родным и знакомым.

За заставой встали на лыжи и здесь окончательно оторвались от Москвы.

Белоснежные фигуры вытянулись в цепочку и под яростный лай Беллы энергично заработали палками.

Мелькали окраины. Еще видны были позади фабричные трубы. Все напоминало о близости Москвы. И все-таки мы окунались в глушь. Мы увязли в топком болоте. Мы совсем не подозревали, что под самой Москвой находятся такие непроходимые дебри.

Вот что мы увидели в Химках.

Мы пришли туда, когда уже стемнело. Расположились на ночлег в содстраховском доме отдыха. Нас приняли довольно радушно и за обедом даже фотографировали.

Но все остальное заставило нас насторожиться.

Бедные, бедные отдыхающие!

Нам предстоит пройти больше двух тысяч километров и пронести на себе тяжелые грузы. И все-таки мы вам на завидуем. Потому что здесь есть Сладков. Сладкий такой, обходительный мужчина. Культпросветчик. Он же и физкультурник.

Слушайте, что записали мы из его речей на общем собрании отдыхающих:

— Стенную газету мы решили не заводить. Туда бузотеры одни пишут. Только авторитет наш подрывают и расстраивают нервы.

— Есть ли у вас экскурсии?

— А как же, в планетарий... здесь, на горе.

Общее удивление.

— Там летают такие аэропланы.

— Может быть, на планерную станцию?— удивляется кто-то.

— Ну конечно на планерную станцию,— соглашается Сладков.

— Почему у нас молчит радио?

— Вы же прекрасно знаете, что сейчас все батареи переданы в НКПС.

Опять общее удивление.

— Может быть, в НКП— Наркомпочтель?

— Ну Наркомпочтель,— невозмутимо соглашается Сладков.

А когда справедливое негодование отдыхающих выливается в гневный протест, Сладков искренно удивляется.

— Что критиковать? Вы же отдыхающие, товарищи. А разве отдыхающий имеет право критиковать?

И чтобы не портить себе нервов дальнейшими неприятными расспросами, он берет колокольчик и весело звонит.

— Спать, детки, спать. Уже девять часов. У нас строгие, знаете, здесь распорядочки.

Когда мы уходили утром, Сладков долго объяснял отдыхающим, что лыжи выдаются у них на пятый день и что сейчас по распорядку дня всем нужно читать газеты.

Бедные, бедные отдыхающие! Скорей из этой глуши, из этих непроходимых болот. Туда, на север, где ходят медведи, лишенные бюрократизма, и следы росوماхи идут за следами лося.

Да! Нам нельзя быть только лыжниками. Мы не имеем права быть праздношатающимися туристами. Будет позорно, если наш путь будет отмечен только количеством проглоченных нами километров.

Мы обязаны помнить о звании металлостов-ударников. Мы должны так смотреть вокруг, чтобы красивая пелена снега, сверкающие на солнце горы и коричневые лесные дали не заслоняли от нас величайшей социалистической стройки, не скрывали бы от нас трудностей этой стройки, которые мы обязаны преодолеть и несомненно преодолеем.

Таков был политический итог первых двадцати километров нашего перехода.

Теперь мы прошли уже больше двух тысяч километров, Мы видели оленя. Шли по следам волка. Но такого зубра, как в Химках, к счастью нигде не встречали на своем пути.

ПОЧЕМУ ПОРТФЕЛЬ ДОЛЖЕН ЕХАТЬ НА ЛОШАДИ?

Чего-чего только нет в наших мешках. Мы имеем с собой неприкосновенный запас сухарей, сала и сахара. У нас есть все, чтобы чувствовать себя на Севере, как дома. Мы безжалостно выкинули все лишнее, и все-таки вес мешка упорно не снижается.

Но в число лишних вещей не попали, как это часто бывает, книги и материалы, полученные в риках и комитетах партии. Это ценнейший груз, который мы бережно храним в наших сумках, ценней, чем сухари. И этот груз дает нам силу и ясную целеустремленность во всех наших действиях.

И если мы подбирали в свою группу хороших физкультурников, если врачи измеряли у нас кровяное давление и слу-

шали сердце, то заводы, пославшие нас, прослушали наш политический и общественный пульс.

И если на длительных остановках мы подкрепляли свои физические силы отдыхом и усиленным питанием, то мы отнюдь не забывали о пополнении нашего общественного багажа. Районные комитеты партии и исполнительные комитеты, сельские советы, колхозы, врачи, учителя и агрономы, партийные и комсомольские ячейки — вот источники этого пополнения.

И сейчас вот мы идем по Бежецкому району. Спросите каждого из нас: каково экономическое лицо этого района? Какова здесь главная политическая задача? Как обстоит дело с коллективизацией? Каковы настроения бедноты и середнячества? Что делает здесь агроном Галенкина? Почему Алабузинский сельсовет утерял посевные планы и как у него обстоит дело с зерноочисткой? На все это вы получите от каждого из нас ясный и точный ответ.

В этом сочетании физической подготовленности с общественно-политической заряженностью весь смысл и особая сила нашего перехода.

Вы слышали о буденовском рейде?

Полторы тысячи километров сделали красные буденовцы, перебрасываясь с Украины на польский фронт, чтобы без передышки вступить в бой с белополяками.

Сегодня у нас тоже рейд. Скромный, может быть, маленький, но все-таки рейд. И тоже с боями. С большими общественно-политическими боями.

Мы разбили нашу шеренгу на три звена и веером, как сказочные богатыри, разошлись в разные стороны.

Это было под Бежецком, на большой снежной равнине, похожей на тундру, покрытой карликовыми сосенками и низким кустарником. Долгое время мы наблюдали друг за другом, пока не скрылись за снежными холмами.

Оперативное задание районного комитета партии — пересечь Бежецкий район в трех направлениях, тщательно проверить готовность сельских советов к весеннему севу и боеспособность колхозов, прощупать настроение у единоличников, бедноты и середнячества, выслать срочное донесение почтой. Сборный пункт — колхоз Спицыно, где и составляется рапорт. Дальше — снова вперед сплоченной группой.

Наши лыжники встретились только вечером в колхозе Спицыно. Пришли мы мокрые и усталые, но листки блокнотов были нашими победными знаменами.

Смотрите и слушайте. Мы будем говорить больше о недочетах. Наши достижения известны всякому.

Бежецкий район — это район льняной, хлебный, скотоводческий и молочный, район, благоприятный для успешного развертывания в нем коллективизации.

Нас заинтересовало, почему цифра коллективизированных хозяйств упорно держится на 5⁰/₀, в то время как задание — коллективизировать район в процессе весеннего сева на 38⁰/₀.

И мы прошли по колхозам. Мы заглянули к единоличникам. Мы прощупали настроение бедноты и середнячества.

Вот достижения колхоза „Борец“.

Заработок колхозника — 430 рублей, единоличника — 210 рублей. В колхозе овес уродился сам-пять, у единоличника — сам-два с половиной, сам-три. Рожь соответственно — сам-двенадцать и сам-семь.

Большие достижения, товарищи колхозники!

Но знают ли о ваших достижениях соседние крестьяне-единоличники? Нет, не знают. Мы говорили с ними.

Рассказали ли вы о своих победах крестьянам села Алабузино, где вот уже несколько лет бьются над организацией колхоза? Нет, не рассказали.

Это вы заявили нам, что туда очень далеко. Всего 8 километров. Стыдно, товарищи!

А отсюда и колебание середняка. Он чувствует силу колхоза, но вступить еще не решается. Он хочет своими руками прощупать ваши достижения. Дайте ему эту возможность. Придите к нему сами, и тогда цифра 38⁰/₀ станет несомненной явью.

Вы не учитываете своего роста в процессе весеннего сева, не ставите перед собой никаких задач в этом направлении. А разве это допустимо, тем более, что вы окрепли и имеете несомненные достижения.

Мы откопали в Алабузине и других селах только что зародившиеся инициативные группы бедноты по организации новых колхозов.

Нас интересует — знают ли об этих молодых побегах коллективизации в городе? Отвечает ли за них персонально какой-либо товарищ? Мы потребовали от колхозов постановки отчетов в первую очередь именно в этих селениях.

Мы встретили в деревне Захарово остатки развалившегося колхоза, потому что новые колхозники не сумели организовать свой труд и никто им во-время не пришел на помощь.

Мы заглянули в поселок „Красный Октябрь“, в котором все 20 дворов равны по имущественному положению и переехали

сюда из разных деревень всего лишь год назад, следовательно в известной степени лишены консерватизма. Прекрасный случай для организации крепкого коллективного хозяйства. Но до сих пор никто об этом не позаботился.

Мы обнаружили ценнейший клад в деревне Бочках: пять дворов имеют по свинье-матке. Но это крупнейшее общественное начинание не поддерживается сельским советом, который считает его частным делом.

Мы узнали о зверских убийствах ни в чем неповинных коров в глухих лесах, — результат искусной кулацкой агитации. И вместе с тем в районе, бедном кормами, не встретили ни одной силосной башни.

Нас интересовало буквально все: зерноочистительные обозы, сбор семенных и страховых фондов, доведение плана сева до двора и твердого задания до кулака, вопросы распределения и оплаты труда в колхозах.

Мы видели учителей. И мы, московские рабочие, возмущены вами, товарищи.

Разве вы не замечаете, как трудно нашим товарищам колхозникам и молодым работникам сельских советов? Разве они не просиживают безрезультатно ночи, пытаясь корявыми пальцами составить свои отчетные планы? Разве вы не видите, как трудно им разбираться в тех многочисленных инструкциях, которыми город буквально заваливает их?

Разве может стоять в стороне советский учитель?

Но больше всего нас возмутила агроном Галенкина. Мы гонялись за ней по всему району, как вот уже три дня за нами гоняется ветер. И все-таки не догнали. В горячее время подготовки весенних посевных планов колхозы и сельские советы остаются без агрономической помощи.

Галенкиной некогда. У нее неудобная квартира. Ей надо перевезти багаж из города.

— Да что вы ко мне пристали!

Что вы скажете на это, товарищи агрономы?

А вот корявенький домик в деревне Потесово. Он был знаменит тем, что здесь жил почтальон, комсомолец Павлов Володя.

Это тот самый, который неоднократно бросал сумку с письмами, когда она ему слишком надоедала.

Теперь этот дом не знаменит ничем. Комсомолец Павлов Володя был снят с работы односельчанами и спокойно уехал учиться на строительные курсы.

Где-то ты там, комсомолец Володя? Ты уж наверное давно забыл родное Потесово. Но о тебе помнят здесь многие.

Всего лишь один день, а сколько пройдено километров, сколько проведено бесед, какой богатый материал уместился на страницах блокнота!

Это и есть то живое руководство, о котором нам настойчиво говорили в каждом совете и в каждом колхозе.

Товарищи комсомольцы! Товарищи агрономы из города!

Почему бы не встать вам на лыжи? Право, они также необходимы, как и ваши портфели. И почему обязательно портфель должен ехать на лошади?

Смотрите, как легко и быстро мы прошли по вашему району. Смотрите, сколько дорог проложено нами по скучной и снежной равнине.

Смотрите на эти обыкновенные жалкие деревяшки. Они приблизили бы отдаленные селения к Бежецку так же, как московский электропоезд приближает далекие дачные поселки к центру города.

Стоит подумать об этом.

Бежецк — это один из наших многочисленных рейдов, построенных в виде параллельного веера.

Иногда мы действуем иначе: разбиваемся на две группы и идем по одной и той же лыжне, но длительные привалы делаем в разных селениях, колхозах или лесозаготовительных пунктах. Это — ступенчатый рейд, по нашей терминологии. И дает он также большой радиус действия.

Все это проводится конечно по точно разработанному плану и маршруту.

Но бывают и неожиданные остановки. Остановки по требованию.

Так например в Сярг-озере, в Карелии. Это озеро найти на карте довольно трудно. Оно затерялось где-то между Сег-озером, Онд-озером, Оми-озером, Ум-озером и Тум-озером. Его окружают маленькие спутники-озера: Глухое озеро, Черное озеро, Лув-озеро, Сем-озеро и еще с десяток других меньших.

Так вот к этому Сярг-озеру мы пришли, когда уже начало смеркаться. Заглянули на огонек и попали с места в карьер на собрание группы бедноты по поводу организации колхоза.

Скорая пролетарская помощь прибыла во-время.

Три дня заседали бедняки. Три дня судили и рядили они о колхозе и все-таки не решались. Потому что затерялось это Сярг-озеро в лесах и болотах и засыпано глубокими снегами. Потому что не видели бедняки Сярг-озера хорошего колхозного примера.

Не снимая мешков, мы приняли горячее участие в этом собрании. Необычное зрелище. Волны густого табачного дыма. Фигуры на лавках и на полу. Странные белые костюмы вперемежку с тулупами. Собака — у председательского стола.

Мы рассказали беднякам о том, что мы видели на своем пути, обо всем, что мы знаем. Мы развернули перед ними грандиозную картину социалистического строительства на примере своих заводов.

И лед тронулся. А чтобы с нашим уходом не ослабела энергия, чтобы оставить вместо себя таких же яростных агитаторов и пропагандистов, мы предложили послать немедленно делегатов-ходоков, особенно женщин, в соседний колхоз для проверки достигнутых результатов и изучения опыта.

Предложение было принято. Можно было идти дальше, и мы ушли в ночь, унося на себе тяжелые грузы. Мы поднимались на высокие горы и, не видя ничего перед собой в темноте, летели на спусках.

Но нам было легко. Не замечалась дневная усталость. Груз почти не чувствовался за плечами. Каждый из нас помнил еще бедняков Сярг-озера.

Позже в Москве нас часто спрашивали: скольких человек вы обслужили? сколько провели собраний? Даже — сколько вопросов разбиралось на этих собраниях?

Все это отталкивало нас бездушием и бюрократизмом.

Люди, проводящие общественную работу по этому методу, смешны и жалки. Мы сами были свидетелями одного перехода. Лыжники приходили в деревню, собирали минутный митинг и потом гордо выводили в своем отчете: „Деревня Иваново; обслужено (?) 240 дворов“.

Вряд ли целесообразно скользить по поверхности, как лыжник скользит по крепкому насту. Дело ведь не в количестве собраний, не в голой цифре обслуженных дворов. Пусть будет меньше, но зато серьезнее, глубже. Чтобы запомнилось, чтобы осталось в памяти местных товарищей раз и навсегда.

Может быть, не сразу скажутся результаты вашей работы. Может, не выльются легко, как в Ивановке, в какие-то цифры. Важно заронить искру. Помочь разгореться пламени.

Чувствовали ли вы результаты своей работы?

Да, чувствовали. Мы их видели: в общем подъеме нашего социалистического хозяйства, в отчетах отдельных районов, в многочисленных телеграммах, газетных статьях и заметках.

Вот что писала „Правда“:

БЕЖЕЦКИЙ РАЙОН ПЕРЕВЫПОЛНИЛ ПЛАН ЛЬНА

БЕЖЕЦК, 4 июня. 3 июня колхозники и единоличники Бежецкого района, занимающего первое место в Московской области по плану льнопосевов, засеяли 15 541 га льна, выполнив 100,2 процента плана. За прошлую весну расширение посевов льна дало только 0,6 процента, за эту весну добились расширения на 39 процентов. Во всей яровой и озимой площади района лен занимает 23 процента. 21 сельсовет план льна перевыполнили. Эти успехи являются победой генеральной линии партии, результатом социалистического трудового подъема 11 000 колхозных хозяйств района. Под конкретным большевистским руководством московского комитета бежецкая парторганизация обеспечила победу в борьбе за лен. Продолжая борьбу за перевыполнение плана, переключаемся на подготовку к уборочной кампании.

Райком ВКП(б) — Мясников.

Нам дороги эти результаты. Мы знаем, что в них есть доля и нашего участия. Пусть самая маленькая, пусть самая крохотная.

СОВЕТСКИЕ ЛЫЖНИКИ — НА ПОМОЩЬ СОВЕТСКИМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ!

С луной было светло, как днем.

Мы скользили быстро по накатанной дороге. Белла легко тянула лыжника, и от недостатка движения у него мерзли ноги.

Полчаса назад мы оторвались от последней чайной, где провели беседы. Теперь чайных не будет. Мы вступили в Ленинградскую область.

А жаль. Как-никак чайная в деревне — это своего рода общественный клуб. Недаром Михаил Кольцов горячо выступал за организацию советских красных чайных. Там, где были чайные, мы везде имели большую аудиторию и непосредственно связывались с массами.

Так вот мы заблудились. В лесу разошлись дороги, и мы ошибочно выбрали левую. В результате уклонились на десять километров в сторону.

Пришли в какую-то деревню совершенно обмерзшие и заиндевевшие. Долго стучались в крайнюю избу.

Из окна выглянуло испуганное лицо женщины. Она забормотала:

— Рядом идите... Рядом... Там живет старая.

И мы пошли рядом, где прекрасно устроились.

Избы почти везде одинаковые, и каждый из нас привык чувствовать себя, как дома, знает, куда ложиться спать, где сушить валенки, куда раскладывать вещи.

А утром, когда мы дремали на печке, прибежала в избу та самая женщина.

— Знаешь, милая,— заговорила она шопотом,— а ко мне вчера стучалась смерть. Вся в белом...

Старуха засмеялась и крикнула нам на печку:

— Эй, вы, которая там смерть, вылезай наружу!

Белые костюмы дают повод встречным крестьянам и особенно женщинам называть нас смертью и белыми чертями. Здесь, в Карелии, нас принимают за белофиннов.

А мы называем свои костюмы гробами. Действительно, ужасная вещь. Техническая байка не пропускает воздуха, и испарения замерзают внутри костюма. Когда мы снимаем рубашки, кругом сыплется снег.

И все-таки мы идем. Иногда бодро, энергично сгибаясь в корпусе и резко отталкиваясь палками. А иногда бредем, как инвалиды, как пьяные, покачиваясь из стороны в сторону.

Это бывает чаще всего по вечерам и ночью. Мешок давит на плечи, душит ремень винтовки. Ноги отекают от долгого стояния на лыжах.

На коротких остановках мы подпираемся палками и стоим без движения. Молчим мы, молчат леса, не шелохнутся озера. Язык не поворачивается вовсе, и страшно трудно произнести что-нибудь членораздельное.

А вчера вот мы остановились на озере. Была ясная ночь, и луна поднималась на горизонте гигантским желтым шаром.

Все страшно устали и не замечали изумительной красоты озера.

— Посмотрите на луну,— обратил внимание Саша Покаев.

Ребята уставились в землю и, не поднимая головы, неохотно ответили:

— Да... очень красивая.

Так и пошли дальше.

У каждого из нас есть своя особая манера ходьбы.

Сергея Пульков сломал на крутом спуске лыжу и заменил ее деревенской, на метр длиннее. Он волочит ее, как каторжник бомбу.

Саша Покаев идет методично, как часы, русским ходом, причем семенит лыжами так, что сзади едва поспевают финским.

Шекланов идет рывками, как молодой олень, и, переходя на финский, прыгает, как кенгуру.

Жоржик Устрицев, тот всегда отстает на несколько метров и всю дорогу зачем-то подглядывает вперед, но так и не может догнать переднего.

Ваня Картошкин идет прямой, как аршин, работая исключительно руками, широко разбрасывая их в стороны.

Коля Воронцов вбирает голову в плечи, как глухарь, и подкармливает себя всю дорогу сахаром из подсумка.

Ваня Корнеев, тот идет, как кабан, не разбирая дороги. Когда он устанет, он теряет способность ориентироваться, и тогда не попадайтесь ему под ноги. Особенно на спуске. Произойдет ужасное столкновение.

Миша Ерков скользит плавно, но страшно не любит, когда ему наступают на лыжи.

Саша Тетерин идет размашистым русским ходом. Он высок ростом и без шапки похож на индейца. У него красное лицо и прямые жесткие волосы. Но сегодня его сломало. Он сложился, как складной аршин, и по крайней мере уменьшился в росте на четверть метра. Он похож на седого гнома, он идет, как старик, у которого подгибаются колени. Что же, это может случиться с каждым. Небольшая потертость может изменить человека до неузнаваемости.

А сзади иду я. Все внимание мое устремлено на собаку, которая тянет меня на поводке.

А собака идет по-разному. Иногда она мчит меня галопом, и тогда нужна особая изворотливость, чтобы с размаху не налететь на передних. Когда идущие впереди исчезают за перевалом, ее не удержишь, она буквально вытягивает меня наверх. На спусках у меня увеличивается быстрота вдвое. И если бы не горное крепление, то не перечесть бы падений и увечий, потому что собака приходит в азарт. А иногда она идет совсем слабо. Часто лижет израненные лапы и смотрит на меня большими жалобными глазами.

Зачем мы взяли с собой собаку? Разве можно носить звание служебной собаки и не оправдывать его на деле? Разве подобает служебной собаке валяться на коврике в теплой квартире?

И Белла добросовестно работает. Она несет вьюк с аптекой. Она подтягивает слабого лыжника, когда тот выбивается из сил. Она охраняет наши мешки на привалах.

И если каждый из нас имеет общественную нагрузку, то Белла имеет ее тоже. Она агитирует за советское служебное собаководство. Одного ее появления достаточно, чтобы собрать толпу ребятишек.

Здесь, на Севере, есть прекрасная служебная порода — лайки. Но эти собаки даром едят советский хлеб. Они дрожат в подворотнях и бестолково лают на случайных прохожих, не подозревая о своей полезности.

Собака нужна колхозу для охраны скота и построек. Собака нужна для несения службы связи. Собака нужна для охраны границ, для дела труда и обороны.

И здесь есть тысячи прекрасных собак. Здесь есть десятки тысяч будущих проводников в лице ребят пионерского возраста. Стоит им дать только простую, понятную книжку о воспитании служебной собаки, и дело служебного собаководства здесь, на Севере, будет обеспечено.

А интерес к этому делу большой. Недаром Белла вызывает полный энтузиазм у маленьких ребятишек. Они бросают парты, выбегают из школы и плотным кольцом окружают собаку.

Временами ей очень тяжело. Особенно, когда мы идем по рыхлому снегу. Она прыгает, как заяц, и тяжело дышит, высунув язык. Весенний наст режет ей лапы. И особенно тяжело для нее резкое пересечение местности. В то время как мы отдыхаем на спусках, она буквально распластывается в стремительном галопе.

И все-таки она идет с нами вот уже две тысячи километров и безропотно тянет за собой лыжника. Более двухсот километров мы тянули с ней нарты. Обоим было тяжело, особенно когда наступило резкое потепление и мы вступили в район горных озер. Но ни собака, ни человек не подводили друг друга. Оба равномерно натягивали постромки и оба, выбиваясь из сил, вытягивали нарты на гору.

И здесь нам пришла мысль. Вот мы умеем делать в день 90 километров на лыжах по незнакомой местности. Мы несем с собой все, что нам нужно для того, чтобы поддерживать свои силы. Мы тянем за собой нарты, на которые можно положить лишние грузы.

Почему бы нам не отправиться в такие районы, где еще много неизведанного, где лежат скрытые богатства, которые можно использовать для социалистического строительства?

Почему бы нам, лыжным отрядам, не предложить свои услуги научным и исследовательским институтам для серьезного изучения Севера?

Разве мы не сможем исследовать район падения метеорита на Тунгуске, если нам дадут нужные указания?

Разве мы не можем пересечь Северный Урал для отыскания новых рудных богатств?

Разве мы не сумеем произвести изыскания в сибирской тайге для будущей железнодорожной сверхмагистрали?

Нам кажется, что вот такие небольшие лыжные отряды могли бы оказать серьезную поддержку научным институтам

Рис. 2. Все внимание мое устремлено на собаку.

и экспедициям для отыскания новых несметных богатств, которые несомненно скрыты еще от пытливых взоров многих исследователей.

СТРАШЕН НЕ СИФИЛИС

„Не доходя верст 200 до Петрозаводска, потеряли товарища Ивана Корнеева с завода Ильича“, — так записал Саша Тетерин в своем дневнике 10 февраля 1931 года.

Несколько слов по поводу этой записи.

Каждый из нас имеет свой номер. Он вышит на груди на красном ромбике. Так и идем один за другим по номерам. Один номер выпал. Номер шестой. Ваня Корнеев с завода им. Владимира Ильича.

Мы попали в полосу сильных морозов в районе Шим-озера. Бедняга простудился и с повышенной температурой несколько десятков километров шел с нами на лыжах. Потом у него отекли ноги, и мы едва дотащили его до ближайшей деревни. Он ехал за нами на лошади в течение нескольких дней до „ближайшей“ больницы. На остановках, закутанный в два тулупа, он сидел неподвижно на печке и часто и тяжело

дышал. Воспаление легких вырвало из нашей дружной семьи одного товарища. Мы оставили его на поправку в Петро-заводске.

Номер восьмой — это Володя Елизаров. Славный такой, загорелый двадцатилетний парнишка с тормозного завода. Он слесарь-инструментальщик высшей квалификации. Ему очень неудобно, что у него не растет борода. Мы обрастаем, как дикари, а он идет свеженький, как огурчик, и редкие здесь парикмахеры отказываются сажать его в кресло. Володя у нас санитаром. Он безропотно несет огромную сумку с медикаментами и заботливо измеряет по вечерам нам температуру, возится с израненными ногами, бережно хранит бинты, вату, йод и даже консультирует с важным видом местным старушкам.

Так вот вспоминается здесь мрачное Павш-озеро. Мы ночевали на Голодной горе. Здесь было действительно очень голодно и очень холодно. К тому же местный фельдшер уныло водил пальцем по нашей карте и предупреждал нас:

— Не заходите в большой двухэтажный дом на горе на Павш-озере; там — сифилитики.

Уже совсем стемнело, когда мы соскользнули с извилистой, покрытой густым лесом горы на ровное снежное поле Павш-озера. Было очень тяжело. От недостатка питания мы чувствовали какую-то вялость. Кружилась голова. К тому же подул встречный ветер, который переметал дорогу.

Озеро раскинулось на несколько километров. И вот, когда мы еле передвигали ноги, вдали радостно сверкнул огонек. На высокой горе, среди угрюмых черных холмов, горели восемь окон большого двухэтажного дома.

— Вот он, вот он, большой двухэтажный дом на горе.

И вспомнились серые, такие скучные слова фельдшера:

— Не заходите туда, там сифилис!

Дом манил нас всеми своими радостными восемью окнами. Он зазывал нас к себе, как в сказке баба-яга зазывает мальчиков и девочек.

Но мы прошли мимо. Нам мерещились проваленные носы и беззубые черные пасти. И мы ушли дальше в ночь, несмотря на смертельную усталость, несмотря на то, что многие из нас спали на ходу. Мы запомнили эти страшные слова фельдшера и шарахаемся теперь от каждого двухэтажного дома, как от нас шарахаются лошади.

Неправильно сделали, товарищи!

Там, на горе, живут такие же люди. Они также вкладывают свои силы в наш общий труд. Они — советские граждане, това-

рищи. Дом сифилитиков — это безобразное старое прошлое, которое еще живет сегодня. И страшен не сифилис. Страшно то, что люди, которые призваны поразить это миллионноглавое чудовище, окопались в городе.

Да, товарищи. Здесь нехватает врачей. И редко, как лося, можно встретить фельдшера. Здесь некому заглянуть в страшный дом сифилитиков. Именно здесь мы везли нашего товарища Корнеева и еле довели его живым до „ближайшей“ больницы.

Где вы там, товарищи врачи, окопавшиеся в городе? Мы кричим вам отсюда, с Голодной горы и мрачного Павш-озера. Здесь также борются за социалистическое будущее, как и у вас там, в городе. Здесь еще труднее, здесь еще острее чувствуется нужда, и густые леса преграждают путь культуре.

Товарищ врач! Мы приглашаем тебя сюда. Твой пост здесь так же важен, как и пост того пограничника, которого мы встретили на контрольной лыжне у финской границы.

В СТРАНЕ НЕХОЖЕННЫХ ТРОП И НЕПУГАННОЙ ПТИЦЫ

Мы вступили в страну нехоженных троп и непуганной птицы, в край озер и глухого леса.

Наш маршрут проходит по Сег-озеру, Сярг-озеру, Руг-озеру, Пяв-озеру, Тоя-озеру, Кемас-озеру, Лув-озеру, Медвежьему озеру, Онд-озеру, Юст-озеру, Кент-озеру, Ковд-озеру, и еще сотни других озер пересечет наша лыжня.

Здесь зимой и летом ездят на санях. Здесь без лодки летом смешно думать о каком-нибудь путешествии. Здесь есть болота, непроходимые, как бюрократические циркуляры, и страшные, как сифилис.

Это — Карелия. Советская республика, протянувшаяся вдоль холодного Белого моря и финской границы.

Здесь мы идем вот уже 10 дней и поражаемся дикой красотой горных озер, стройностью леса и обилием птицы.

Мы прокладываем лыжню там, где проходят следы россомахи и лося. Мы идем там, где еще никто не ходил на лыжах: через перевалы, затянутые снегом болота и незамерзающие пороги.

Временами мы задыхаемся от быстрого бега и не успеваем схватывать окружающее.

Сегодня днем мы пересекли горное озеро. Крутые, гористые берега, затянутые легкой дымкой начинавшейся пурги, произвели на нас исключительное впечатление.

Мы скатились на ровную снежную гладь озера и снова карабкались наверх. Через час по извилистой лесной тропке мы достигли перевала. Внизу мы оставили одно озеро, впереди было другое. Мы скользили к нему вихрем, падая на неожиданных поворотах, поднимая фонтаны снега.

Сережа Пульков с собакой развил удивительную скорость, и мы отскакивали в сторону, чтобы не быть раздавленными. — Фу! Белла, фу! Вправо! Эй, эй!

Это сегодня.

Вчера мы утопали в снегу, идя по целине и наклоняясь вперед навстречу сильному снежному ветру. Передовой менялся через каждые 15—20 метров, выбиваясь из сил, обливаясь потом. Лыж не было видно. Мы буквально разгребали снег коленками.

Тетерева сидели на расстоянии выстрела. Но не было желания стрелять. Вернее—не было физической возможности пройти лишние 50 шагов, чтобы подобрать птицу. Стреляли только в ту птицу, которая вылетала из-под лыж.

Мы шли по глубокому снегу и все-таки не оставляли за собой следов—лыжню заметала пурга.

Это вчера.

Несколько дней назад мы должны были пройти по Пяв-озеру. В пятистах метрах от берега под лыжами сразу выступила вода. Мы шли по щиколотку в воде, с трудом передвигая ноги. Лыжи на морозе обрастали тяжелой ледяной коркой. Мы с трудом пересекли пятнадцатикилометровое озеро и долго скалывали лед с лыж.

Каждый новый день—новые испытания лыжнику, новые переживания.

Карелия раскрывалась перед нами во всей своей причудливой красоте.

Но нас поражает и другое.

Мы замечаем не только красоты природы. Мы видим не только стада глухарей. И восхищаемся не только нервными прыжками россомахи.

Мы заглядываем в лесные избушки. Мы проходим редкими здесь деревушками, заброшенными на острова.

И в каждой такой лесной избушке, в каждой заброшенной деревушке мы чувствуем, осязаем силу новой, молодой советской Карелии.

Рис. 3. Каждый новый день — новые испытания лыжнику.

Это здесь, в краю нехоженных троп и непуганной птицы, наши товарищи, карельские лесорубы, дают образцы высокой производительности труда.

Отсюда за границу идут лучшие сорта древесины в обмен на станки для наших заводов. Отсюда, с Беломорья, идет рыба для всего Советского союза.

Здесь строятся лесопильные заводы и новые бумажные фабрики. Это здесь, в Карелии, делается бумага для газеты „Известия“. Здесь, на ворчливой, порожистой речке Ниве, строится мощная гидростанция для района хибинских апатитов. Здесь в горах лежат нетронутыми горный хрусталь, слюда и алюминиевые руды.

И это здесь, в лесной глуши, зимой 1931 года уже коллективизировано 14,6 процента хозяйств, а весной будет коллективизировано 35. И почти все рыбацкие хозяйства на Беломорье встретят путину коллективным трудом.

Страна нехоженных троп и непуганной птицы, в прошлом поработанная самодержавием, жадно тянется сейчас к культуре. Всего лишь три процента детей не охвачено здесь все-

общим обучением. Это — крупная победа, о которой знают не только у нас, но и за финской границей.

Наша лыжня параллельна границе. Мы чувствуем, как за рубежом шевелятся фашистские гадины.

Вам не тронуть советской Карелии, как вы это сделали в девятнадцатом и двадцать втором годах. Об этом вам заявляем мы, московские рабочие.

Вам не тронуть советской Карелии, потому что каждый трудящийся карел испытал на себе тяжесть ваших мерзких лап и нечеловеческое угнетение.

Наши товарищи — карелы — строят сейчас самолет „Наш ответ лапуасцам“. И каждая живая душа здесь, в краю нехоженых троп и нелуганной птицы, внесла 25 копеек на этот самолет.

Хороший ответ, не правда ли, господа лапуасцы?

У вас падает вывоз леса, и вы, по примеру английских купцов, скрежете зубами на советскую Карелию, обвиняя ее в применении принудительного труда.

Ошибаетесь, друзья. Жестоко ошибаетесь.

Да, карелы добились больших побед на лесном фронте. Свою программу они все-таки выполнят, несмотря на то, что они не получили и одного процента из пятидесяти процентов обещанной им привозной рабочей силы, занятой сейчас на других важнейших участках пятилетки.

И сказочка о принудительном труде здесь ни при чем, господа лапуасцы.

Вы конечно знаете, где лежит Кент-озеро. Оно не так уж далеко от вашей границы. Может быть, вы, лапуасцы, финские кулаки, и бывали здесь в памятные годы, когда расстреливали здесь наших лучших товарищей?

Вспомните бедняков Пекшуева Стефана, Ватанена Матвея, Ватанена Филиппа, Ватанена Мартына, Тойванена Осипа и Рексуева Матвея. Старики, совсем старики стали. Первому из них — 78 лет, а последнему, самому молодому, 67.

Наши пути встретились с ними. Но не на печке, господа лапуасцы. Нет. В лесу. С топорами в руках, хорошими топорами вашей финской работы, по колено в снегу работали старики. Мы пожали им руки. Что мы могли еще сделать? Они пришли сюда добровольно.

Славные молодые старики! Трудно передать негодование, с каким они обрушились на молодежь, когда та хотела на масленицу сбежать из лесу на вечерки. Среди этой молодежи были ребята с комсомольским билетом. Мы признаемся в этом.

Славные старики! Крепкие и кряжистые, как северная береза. Они еще зададут вам перду, господа лапуасцы, если... если вы только этого захотите. Старики дерутся в лесу, как черти, за темп, за план, и каждый удар топора в руках советского карела — это удар по вашему темени, господа лапуасцы.

Чувствуете?

Стоит ли, право, разговаривать о „принудительном труде“, господа лапуасцы!

Да и сами вы не верите этой сказке.

Лучше оглянитесь поближе вокруг себя.

Вы делаете вид, что не замечаете бешеного угнетения и эксплуатации рабочих и трудящихся крестьян в фашистской Финляндии. Вы делаете вид, что и не подозреваете о стремительном росте безработицы и сокращении заработной платы. Вам неизвестны как будто бы многочисленные случаи самоубийств, вызванные тяжелым положением финских рабочих. Вы улыбаетесь, скрывая этим тот факт, что рабочие-лесорубы не в состоянии заработать даже себе на питание, не говоря уже о том, что бытовые условия этих рабочих не подлежат никакой критике.

Да, у вас свободный труд! Рабочие и крестьяне совершенно добровольно сгибают спины, чтобы заработать себе кусок хлеба. Миллионы рабочих и крестьян совершенно свободны волею ее величества — безработицы. У вас совершенно „свободно“ бедняки умирают с голоду.

У вас рабства нет, в капиталистическом обществе!

Двадцать тысяч негров умерли на постройке железной дороги во французской Африке.

В Индии, Аравии, в Египте до сих пор торгуют детьми, как мы торгуем здесь курами.

Миллионы китайских крестьян выжимают последние остатки пота в угоду богатым землевладельцам.

В Америке безработный Юнг продал себя за тысячу долларов на всю жизнь на любую работу.

Десятки, сотни миллионов рабов — это и есть капиталистическое общество.

Нас, советскую страну, обвиняют в применении принудительного труда заключенных и на этом основании отказываются от советского леса.

Мы видели заключенных своими глазами. Нам довелось пройти с ними рядом больше пятидесяти километров на лыжах и проводить с ними беседы.

Мы не видели, чтобы хотя один из заключенных работал

в лесу. Они строят дорогу. Хорошую тракторную дорогу от Кеми до Ухты длиной в 208 километров, по которой очень приятно скользить на лыжах. Они роют канал для соединения Белого моря с Балтийским.

До сих пор еще мы не вывозили пока за границу ни дорог, ни каналов. Но и не думаем отказываться от привлечения заключенных к общественным трудовым работам. Это ничего, кроме пользы, советской стране и самим заключенным не даст.

И живут эти заключенные по-человечески, с красными уголками, с ежемесячной заработной платой, с определенными нормами труда, даже с профессионально-техническим образованием. И передвигаются совершенно свободно в пределах отведенной им территории. Не прикованы к тачкам. Не волочат за собой бомбы.

„К позору капитализма многие и многие тысячи безработных позавидуют сейчас условиям труда и жизни заключенных в наших северных районах. Это — горькая правда, и о ней должны знать рабочие за границей“.

Так сказал т. Молотов на VI съезде советов.

Мы шли сюда в лесные избушки глубокими снегами. Нас трепал буря и бросал нам в лицо лопаты снега. Северный ветер упирался в грудь, пронизывая острым кинжалом наши легкие.

И все-таки мы дошли сюда. Мы уберегли для лесорубов теплоту и энтузиазм московских рабочих.

Слушайте нас, московские товарищи. Вы делаете котлы и экономайзеры, автомобили и холодильные машины, гвозди, рельсы и листовое железо. Здесь делают зеленое золото. Это так же трудно, как делать автомобили. Может быть, еще труднее.

Здесь нехватает людей. Даже женщины и подростки ушли в леса. Потому что рабочие руки нужны новым стройкам. Нужны вам, наши московские товарищи.

И здесь не горюют. Не вешают носа. Несмотря на то, что программа заготовок против прошлого года увеличена вдвое. Несмотря на то, что здесь нет механических пил и тракторы редки, как врачи в деревне.

Здесь работают, стиснув зубы и подтянув живот, потому что мы еще не имеем сегодня всего, что нам нужно.

В лесу окопался кулак. Он хитер и опасен, как волк. Это он лает о том, что „гонят насильно в лес“, „уменьшают паек,

а кричат о достижениях". Это он „не желает быть батраком и хочет умереть дома“.

И все-таки производительность труда неуклонно растет. Организуются новые ударные бригады. В лесу начинают работать по-новому, по социалистически, как и у вас, наши московские товарищи.

Семь-шесть фесметров¹ рубки на человека в Кестеньгском районе и 67,5% выполнения годовой программы на первое марта в том же районе—это, товарищи, победа, крупная, как Днепрострой.

И если мы строим мощные турбины не в девять месяцев, как англичане, а в четыре с половиной, и укладывали рельсы Турксиба не по три с половиной километра в день, как американцы, а по семь, то знайте, что наши товарищи карелы не отстают. Вспомните, как трудно иногда было у нас на заводе сколачивать первые бригады. Что же говорить о здешней звериной глуши, где еще сильна подпольная агитация белофиннов.

И все-таки бригады растут.

Мы видели их. Больше того, мы организовывали их. Иначе и быть не могло. Иначе стоило ли выдерживать силу бурана и подставлять грудь под острый кинжал ветра? Иначе мы не имели бы права называться ударниками.

Что такое лесная ударная бригада?

По старинке работают семьями-ячейками. Это примерно одна лошадь, один трудоспособный мужчина, женщина и подросток. Дерево нужно свалить, очистить от сучьев, распилить на кряжи и вывезти к месту сплава. Это—тяжелая работа, часто непосильная для женщины и подростка.

Ударная бригада—это несколько ячеек, добровольно объединившихся в одну производственную единицу. Здесь целесообразно распределяется рабочая сила: группа взрослых мужчин работает на валке, женщины обрубают сучья и распиливают кряжи, подростки заняты на вывозке и очищают дороги. Каждый работает по своим силам. Уничтожается простой лошадей.

Ударная бригада, работающая поточным способом,—это знакомый всем нам конвейер. Это уже социалистическая организация труда. Впереди по опушке леса идут лесорубы и валят деревья правильным рядом. За ними по пятам следуют обрубщики сучьев, раскряжевщики и обдирщики коры. Спокойно

¹ Кубометров.

и методично углубляются бригады в лес, оставляя за собой бревна, готовые к отправке.

Этот метод значительно повышает производительность труда, а следовательно и заработок лесорубов. И за этот социалистический метод нужно драться, как львы, потому что в этом методе сила нашей пятилетки.

Здесь почти нет механизации. Изредка нам попадаются ледяные дороги, которые оставляют на наших лыжах свежие деревянные раны. И только один раз мы вышли на широкую ледяную трассу, запорошенную снегом. Ее расчищал трактор, похожий на павлина с огромным пушистым снежным хвостом. Это—быстро вращающиеся снежные лопатки выбрасывали снег далеко в сторону. Снег поднимался высокой снежной волной, похожей на пену из-под океанского парохода.

Наш маршрут значительно удлиняется, так как мы идем районами лесных заготовок. И проверяя себя по компасу, чтобы не сбиться в сторону от лесных избышек, мы ориентируемся по двум картам.

Первая — самая обыкновенная старая десятиверстка. Вторая — напечатана на большом листе папиросной бумаги.

Мы вынимаем нашу папиросную карту уже на стоянке в лесных избышках. Эта карта полна цифр, которые показывают — как данный пункт справляется с заготовками. Ковдский, Кестеньгский, Лоухский, Ухтинский, Ребольский, Ругозерский, Паданский и любой другой.

И если наша десятиверстка показывает нам овраги и непроходимые чащи, то папиросная бумага рассказывает о победах и провалах на лесном фронте. Она ориентирует нас прекрасно, и мы легко входим в мельчайшие детали.

Лесозаготовительный пункт — это обычно одна-две избышки, в которых помещаются контора, кухня, красный уголок, кладовая и изредка примитивная лесная больница. Вокруг этих избышек на расстоянии 10—15 километров разбросаны крохотные избышки лесорубов. Вот и вся несложная организация лесозаготовительного пункта.

Здесь, в лесу проводит зиму почти все трудоспособное население Карелии. В деревнях остаются лишь нетрудоспособные и некоторые женщины. Это не везде учитывают сельские советы. Есть такие, которые еще не сумели повернуться лицом к лесу.

Когда мы подъезжали к Порусте, нам встретился председатель сельского совета, который возвращался в деревню после собрания, проведенного на пункте. Он только что застрелил

Рис. 4. Здесь живут лесорубы.

несколько куропаток, и кровь, стекавшая на санки, еще не успела замерзнуть.

И характерно. На собрании говорили о налогах, о годовщине Красной армии, о переписи, о чем угодно, но ни слова не было сказано об ударных бригадах, несмотря на то, что этот вопрос в связи с невыполнением программы в Порусте стоит очень остро.

Явление это характерно для некоторых сельских советов. Часто в лес не посылаются избач, потому что он якобы нужен в деревне. Но ведь зимой только в лесу бьется настоящий пульс жизни. Именно здесь идет борьба со старым за новое в быту и на производстве. Здесь легче, чем в деревне, люди поддаются обработке. Здесь они сбиты с насиженных гнезд и вместе с домашним скарбом несомненно оставили в деревне и часть былых предрассудков.

Избач нужен здесь в первую очередь. Радио должно быть именно здесь. И, заметьте, разговорчивое радио. Все лучшее, все наиболее крепкое и сильное должно быть брошено именно сюда, в лес. Иначе сельский совет не нужен. Иначе это — бюрократический придаток, который подлежит операции.

В Порусте не все гладко. Программа только-только с на-
тяжкой будет выполнена к 15 апреля и то, если не помешает
погода. Здесь нет ни одной ударной бригады. Самообязатель-
ства лесорубов учтены слабо.

А в протоколе мы обнаружили следующую запись:

„Слушала: В виду уменьшения пайка не можем выполнить наложенные
фесметры.

Постановили: Заявления лесорубов (зачеркнуто)... Почему? (зачеркнуто)...
Мы считаем (дважды зачеркнуто).

Председатель Ульянов. Секретарь Медведев.

И характерно: красный уголок заброшен, нет ни одного
культурного работника, библиотечка валяется в углу, и никто
ею не пользуется, радио упорно молчит.

Выводы напрашиваются сами. Там, где лесорубы предостав-
лены сами себе, там, куда не заглядывают сельские советы,
где в забросе политическая и культурная работа, — там отста-
лые настроения, там позорные провалы в работе.

Хуже всего то, что порустовская молодежь плетется в хвосте.
Ячейка высказалась против бригад. Комсомольцы Кириллов и
Матвеев пьянствовали в деревне на Крещенье.

А сделать здесь можно многое. Взять хотя бы довольно
значительную группу подростков, которые с энтузиазмом под-
держали идею организации ударных бригад.

Не смейтесь, товарищи! Дети и особенно пионеры могут
иногда быть очень тонкими политиками и умелыми агитато-
рами. К тому же они здесь равноправны и не отстают от
взрослых.

Мы беседовали с отдельными лесорубами, и они согласились
создать бригады.

С приездом студента из Лесотехнической ленинградской
академии сюда, в Порусту, можно быть уверенным, что дело
и здесь сдвинется с мертвой точки.

Еще о молодежи. Она должна была бы сыграть революци-
онизирующую роль в производстве. Но комсомольские ячейки
хотя и имеются на каждом пункте, но лицо их чувствуется
довольно слабо, за исключением некоторых пунктов.

Мы беседовали с секретарями ячеек и отдельными комсо-
мольцами. Простые, деревенские ребята, но очень темные и
очень серые. И когда районные комитеты присылают кипу
инструкций, им страшно трудно в них что-нибудь разобрать.

Характерный факт. Студент в Порусте написал одну из
таких инструкций, будучи еще в районном центре. Когда мы
пришли на пункт, вместе с нами приехала и эта инструкция.

Она была написана под копирку, но так, что даже сам автор с огромным трудом разбирал свое писание. А ребята так и не читали ее.

В Ухтинском районном комитете комсомола нам с гордостью зачитали цифры комсомольцев, ушедших в лес. Задание было 375, а вышло 387, из них — 50 девушек.

Товарищи, но разве это все? Разве не нужно поинтересоваться, что делают в лесу эти 387 комсомольцев и 50 девушек? Являются ли они передовиками на лесном фронте? Тем бродилом, которое даст пышные всходы ударных бригад?

Да, есть бригады, показывающие образцы работы. Но есть и плохое.

В Сиговом Пороге в бригадах нет ни одного комсомольца. А ведь здесь с большим трудом созданы три бригады. Здесь уже знают лесорубы о том, что бригада может дать по 7 и даже по 10 фесметров рубки в день на человека.

Вы с гордостью говорите о том, что в лесу у вас 50 девушек.

А знаете ли вы о том, что девушки-комсомолки вышли из ударных бригад, чтобы работать в своих семьях-ячейках? Знаете ли вы о ячейках лесорубов Морозова и Павлова? Они остались в лесу, несмотря на соблазны масленицы, и рубили, как никогда. Мы говорим о простых семейных ячейках. И беспартийные они, этот Морозов и Павлов. А другая ячейка, комсомольская, после собрания, когда еще не успели высохнуть чернила протокола, отметившего, что никто не уедет на масленицу в деревню, уехала в полном составе на вечеринки.

Слышали ли вы об этом?

Пленум в Ухте решил создать в качестве показательных несколько молодежных бригад. Но, товарищи, это только решение. Мы пересекли ваш район и не встретили ни одной молодежной бригады.

Чего нехватает, товарищи? Вы пишете очень хорошие инструкции и посылаете сюда очень хорошие книжки. Пришлите сюда себя. Хотя бы на несколько дней. По одному крепкому комсомольцу на пункт. И здесь, в лесу, где стягиваются все нити производственной и политической жизни, в простой товарищеской беседе с комсомольцами-лесорубами вы добьетесь очень многого.

Здесь прекрасные ребята — бедняки, батраки и колхозники. Право, им нужно помочь. Им ведь очень трудно в глухих, заброшенных лесных краях, где чаще, чем радио, можно услышать хлопанье глухариних крыльев.

Немного живого, теплого руководства — и дело стронется с места.

Вы ведь сумели поднять волну ударничества на сплаве. У вас, комсомольцев Карелии, есть прекрасные достижения в борьбе за выполнение плана лесных заготовок в целом ряде районов и образцы работ в проведении целого ряда крупнейших политических кампаний. И вы, ухтинские комсомольцы, сделали большое дело, послав молодежные группы в лес для организации ударных бригад из лесорубов. Обратите теперь внимание на самые ячейки. Помогите молодым секретарям организовать свою работу. Проверяйте их чаще и советуйтесь с ними.

И не забывайте о пионерах. Порустовские ребята дали нам твердые обещания, что они создадут бригаду.

— Мы уломаем наших отцов. Не беспокойтесь, — заявили они нам и подтвердили это еще раз далеко за пределами леса, куда они вышли нас провожать на лыжах.

Повторяем, товарищи! Мы говорим больше о недостатках. Так ведь лучше, не правда ли? Мы не боимся вскрывать свои раны. Мы умеем залечивать их очень быстро, не оставляя следов. А о достижениях пусть говорят наши враги.

В самом деле, разве можно молчать о Сушкозерском заготовительном пункте, где мука до сих пор валяется под открытым небом и портится, в то время как лесорубы получают твердый паек? Разве можно молчать о двух тысячах килограммов керосина, просочившегося в землю на этом же пункте несколько месяцев назад?

Поруста, Свят-Паволок, Сигов Порог, Лув-озеро, Кент-озеро, Сушк-озеро, Ухта, Кестеньга... выстраиваются перед нами лесозаготовительные пункты. И на каждом пункте мы беседуем с лесорубами. Мы знаем, наши слова запоминаются ими. Мы ведь живые свидетели и участники той большой стройки, о которой мы рассказываем лесорубам. Нам верят больше, чем книгам. Мы осязаемы. Мы пришли сюда из самой Москвы на лыжах, и рваные, грязные, бывшие когда-то белыми костюмы, и соструганные о камни, точно рубанком, лыжи лучше всего подтверждают это.

Берем на заметку все, что бросается в глаза.

Почти на всех пунктах, где мы проходим, — а мы прошли их больше десятка, — не работают громкоговорящие установки из-за отсутствия батарей. Наркомпочтелю стоит подумать об этом серьезно. Может быть, можно выделить хотя бы небольшую часть батарей для лесных заготовок. Это — крупнейшая

политическая задача. Здесь нет агитаторов, нет пропагандистов, сюда неделями не доходят газеты, и радио в лесу в тысячу раз важнее радио в городе. Оно непосредственно повлияет на поднятие производительности труда лесоруба, на выполнение важнейших для всего нашего социалистического строительства лесных заготовок.

Здесь нет почти ни одной книги на финском и даже на русском языках о работе ударных бригад в лесу, о поточном конвейере, о лесных заготовках. В чем тут дело? Не дошли сюда эти книги или они еще не написаны? Этот вопрос нас и местных товарищей серьезно волнует.

В Кемас-озере нас встречает ночью высокий сухой финн Рейсенен. Мы вваливаемся в избу-читальню белые и к тому же запорошенные снегом. Он приветствует нас и страшно волнуется. Он не верит, повидимому, нашим словам, что мы — рабочие-металлисты, что мы пришли сюда из Москвы на лыжах. Здесь близка граница. А Рейсенен сам из Финляндии, где с девяти лет провел жизнь в тяжелой работе. Он принимает нас за финнов. За белофиннов. Мы чувствуем это. И только тогда, когда агент пограничной охраны проверяет наши документы и пропуска на границу, он успокаивается и начинает суетиться об обеде и ночлеге.

Рейсенен здесь секретарем партийной ячейки, профессиональным организатором, избачом, агитатором и всем, чем угодно. Вместо портфеля он носит через плечо охотничью сумку и бегает по лесным избушкам, как заяц. Это он провел в лесах 30 собраний об ударных бригадах.

Мы беседуем с ним об организации здесь колхоза. И так же, как и в Сярг-озере, приходим к выводу: в виду того, что здесь нет вблизи колхоза, который показывал бы пример, послать делегацию женщин в лучшие колхозы Карелии. В Ребовалах, у финской границы, это дало прекрасные результаты. Женщины — ведь это самые тонкие, самые умелые, самые смелые агитаторы.

Рейсенен не понимает по-русски. А переводчик у нас тоже финн — Юльхия. Очень плохой, правда, переводчик. Половину своей речи он дополняет знаками, но мы прекрасно понимаем друг друга. Рейсенен просит нас замолвить словечко в центре счетоводах. Они нужны здесь, как черный хлеб. Здесь некому составлять отчетные и производственные планы. Мы берем это на заметку.

Так и идем от одного лесного пункта к другому, пересекая озеро. Рейсенен дал нам записку, которую мы не можем прочесть, потому что написана она на финском языке. Но эта маленькая записка — чудодейственный и сильный мандат, который открывает нам всюду двери.

Летом по нашим следам пройти невозможно. Нужно переплывать глубокие и холодные озера, резать ноги о камни и утопать в болотах.

Иногда мы видим россомаху, и она прыжками скрывается в лесу, а у Беллы поднимается шерсть дыбом. Иногда мы спугиваем стаю глухарей или тетеревов, и тогда волнуется страстный охотник, Саша Тетерин. К глухарям мы привыкли. Саша застрелил на днях такого, что мы все одинадцать, включая собаку, остались им очень довольны. Глухарь вылетел из-под носков лыж и был застрелен на месте.

Рис. 5. Иногда мы спугиваем стаю глухарей, и тогда волнуется Саша Тетерин.

Лосиные следы издеваются над нами. Порошит снег. А следы свежие, сегодняшние пересекают нашу лыжню на болоте. Но стрелять лося еще нельзя. И мы не волнуемся. За стопами лося идут следы россомахи.

Так идем от избушки к избушке, удаляясь к северу. И чем дальше к северу, тем выше производительность труда лесорубов.

Вот, кажется, мелочь. Здесь, на севере Карелии, ездят панко-реги. Это двойные, длинные сани с широкими полозьями.

На юге Карелии ездят на обычных санях среднего размера
узкими полозами.

Борьба за панко-реги — это борьба за высокую производи-
тельность труда у возчиков леса. Панко-реги дают возмож-
ность на много увеличивать тяговую силу лошади. А разве
это не революция в лесном деле?

И мы, проходя по югу Карелии, говорили много о панко-
реги, спорили, доказывали. Борьба за новый тип саней, не
ступите, — это крупнейшая здесь политическая кампания.

Чем дальше на север, тем выше производительность труда
лесорубов. Если под Петрозаводском рубщик едва дает в день
 $1\frac{1}{2}$ —3 фесметра, то уже здесь, в Ухте и в Кестеньге, мы
встречаем лесорубов и бригады, дающие по 10—11 фесмет-
ров в день на человека.

На севере — потомственные, почетные лесорубы. Здесь проч-
но привился метод ударных бригад, а следовательно и целе-
образное использование людей и тяговой силы. В Ухте на-
пример 564 рубщика и возчика объединены в 70 ударных
бригад.

А Кестеньга, куда мы шли целый день по Топ-озеру и где
Ваня Картошкин отморозил ноги, — это поселок лесных побед.
Здесь план выполнен на 65,7 процентов. Здесь широко раз-
вито ударничество и социалистическое соревнование.

Нам оказали блестящий прием, который не уступит ни одно-
му дипломатическому банкету. Мы сидели в клубе, переделан-
ном из старенькой деревянной церковки, за столами, покрыты-
ми белоснежными скатертями. Столы были богато сервированы,
несмотря на то, что блюдо было единственное — суп из мака-
он. Наши хозяева — кестеньгские лесорубы — были одеты
тулупы и меховые шапки, потому что здесь было холодно.
И под аккомпанемент местного симфонического оркестра,
очень стройного, но зато искреннего, нам говорили:

— Мы работаем на самой границе. И мы здесь даем клятву.
Передайте ее московским рабочим и всем рабочим Советского
союза. Кестеньгские лесорубы выполнят свой план на 119 про-
центов. Мы ушли в леса добровольно. Мы не уйдем отсюда
до тех пор, пока последнее бревно не будет сплавлено в
реку.

У клуба, в двух шагах, стоит столбик. На нем при ярком
свете луны можно прочитать отчетливую и строгую надпись:
„Пограничная зона. Вход без пропуска запрещен“.

И всякий, кто идет в клуб из соседних избушек, попадает
пограничную зону.

Клуб стоит в пограничной зоне. Значит, вы слышали, господа лапуасцы, клятву кестеньгских лесорубов перед московскими рабочими. Вы слышали? 119 процентов. И каждый процент — это воля самих лесорубов!

Вы думали перебросить здесь труп своего президента за нашу границу и обвинить нас в убийстве. Вы думали этим спровоцировать нас на выступление. Может быть, вы и те, кто стоит за вашей спиной, замышляете еще что-нибудь, вроде этого!

Напрасно вы кипятитесь. Напрасно выдумываете басни о том, что за рубежом ловят советские бревна с надписями советских лесорубов, призывающих о помощи.

Вы протестуете против вывоза советского леса? А у нас лесорубы вступают в партию.

Вы клеветаете на нас без стеснения, а мы перевыполняем производственные планы.

Мы спокойны!

Может быть, вы не верите клятве кестеньгских лесорубов.

Смотрите! Не успели мы вернуться из нашего перехода, как получили первые известия от наших товарищей.

Кестеньгские лесорубы рапортуют в „Правде“ от 4 апреля 1931 года. Всего три строчки:

„Лучший леспромхоз в Карелии. Национальный Кестеньгский леспромхоз выполнил до срока программу лесных заготовок: рубке на 106%, по вывозке — 105%“.

Как видите, у нас умеют держать слово.

Мы спокойны, господа лапуасцы. С нами кестеньгские лесорубы. С нами пролетарии и угнетенные всего земного шара. Можете сунуть к нам ваши грязные лапы. Мы отрубим их начисто, как начисто рубят кестеньгские лесорубы экспортные бревна.

Что мы делаем с тем материалом, который мы собираем в лесозаготовительных пунктах? Мы его обобщаем, чтобы сооперировать свои выводы руководящим организациям и поделиться рабочим опытом.

Мы отмечаем умелую и энергичную работу северных партийных и общественных организаций, в результате которой Север весь охвачен социалистическим соревнованием и ударничеством.

Мы настаиваем на широкой популяризации через печатный положительного опыта ударных бригад северных районов,

ая достижения бригад понятными и осязаемыми для каждого
е организованного лесоруба и возчика.

Мы обращаемся к комсомольской газете „Нуорикарди“,
тобы еще более выпукло, чем раньше, она освещала роль
молодежи в социалистическом производстве и решения 9-го
езда.

Мы спрашиваем Центриздат, почему в лесу нет книг об
дарных бригадах, и Наркомпочтель, почему нет батарей
для лесных избушек.

Мы заявляем, что организовать ударные бригады мало,
ужно организовать социалистический труд в самой бригаде—
точным и конвейерным способом.

Мы подчеркиваем, что сколачивать ударные бригады нужно
язательно до начала лесных заготовок.

Мы напоминаем, что в Ухте производственные планы изме-
ялись пять раз! Ни один день лесных заготовок не должен
ропасть из-за запоздалого планирования.

Мы подчеркиваем еще раз, что там, где ведется широкая
олитико-воспитательная работа,— там нет почвы к разверты-
анию кулацкой агитации.

Мы напоминаем комсомолу о введении общего котла в бри-
адах. Было бы не плохо, если бы он взялся за это нужное
ольшое дело.

И так далее. И тому подобное.

Все наши наблюдения, все наши мысли мы передаем нашим
оварищам, карельским лесорубам.

Мы видели, как они преодолевают непомерные трудности.
Их энтузиазм захватывал нас так, как захватывает дух у лыж-
ика на перегоне к Руг-озеру. Мы знаем, с какой непреклон-
ой волей карельские лесорубы выполняют свои производствен-
ые обязательства. И мы хотим им помочь хоть немного в
их трудной и большой работе.

КИВАЧ НУЖНО ВЗОРВАТЬ

Мы сделали крюк, чтобы заглянуть на знаменитый водопад
кивач. Да, действительно очень красиво. Зеленая громада
оды рушится вниз со свирепым рычанием, и брызги замерзают
а наших костюмах.

Мы стояли на самом краю скалистого обрыва, и носки наших
ыж висели над пропастью.

Мы были одни среди яростных волн и спокойной пелены
нега.

Но потом мы нашли пустую консервную банку. Другую третью... десятую. Они привели нас в ярость.

Тогда мы заметили еще ресторан, правда, забитый и заваленный снегом.

И нам стало тошно.

Сюда съезжаются летом „туристы“.

Не называйте себя так, гражданин турист. Серые гетры и зеленый заспинный мешок еще не дают вам этого права.

Вы привыкли любоваться природой и заодно опустошать консервные банки. Вы ахаете и охаете, глядя, как честные советские бревна ломаются, словно спички, бешеным ураганом воды. Вас не интересует, сколько тяжелого труда лесорубы уносят прожорливый красавец Кивач.

Гражданин, не позорьте звание туриста. Вы привыкли скользить по поверхности, как по тихой воде скользит глассет. Вы — любитель красивых лужаек и соловьиных трелей. Вы — маляр, гражданин турист. Бюрократический зуд не дает вам покоя. Вы расписываетесь жирными красками на каждом утесе и все-таки никто не запоминает вашей фамилии.

А в лесу, вон там рядом, вам кажется сыровато. Там грязно в лесных избушках. Там пахнет потом. Там люди восхищаются какими-то фесметрами.

Не позорьте звание туриста, гражданин. Убирайтесь отсюда да вон!

И мы тоже бежали от Кивача. Мы боялись, чтобы нас не назвали туристами в том смысле, как это теперь понимает многими. Мы не хотим опоздать это вполне советское наименование.

А в лесу, там, где пахнет потом, где в тяжелой борьбе докопаться фесметры, мы решили:

— Надо сломать красавца. Взорвать дармоеда. Нужно широким раскрыть дорогу советскому лесу.

МЫ ВАС ПОМНИМ, ФАШИСТСКИЕ ГАДИНЫ!

Следы росوماхи идут за следами лося.

А мы идем по следам карельской авантюры.

Часто, очень часто нам попадаются запорошенные снегом курганы.

Здесь лежат наши товарищи, убитые англичанами и финскими гадами.

Мы останавливаемся у этих снежных, холодных памятников и молча слушаем свист бурана.

Вы еще нас попомните! Мы недаром пришли сюда к этим курганам. Мы молчим, но в нас кипит ненависть.

Видите эти рваные истрепанные ветром красные флажки на курганах. Это заботливые руки наших товарищей карелов. Здесь помнят друзей, гниющих сейчас в земле, но и хорошо запомнили врагов.

Мы помним вас, белые гадины. Вы жгли наши избы и насилывали наших женщин. Вы хотели поработить советскую Карелию и опять заставить нас жрать хлеб с корой.

Мы запомнили вас очень крепко. Если придется еще раз встретиться с вами, мы запомнили каждого из вас в лицо.

Помните Ухту? Мы встретили здесь только двоих мужчин, когда прорвались в поселок, утопая в болотах. Вы бежали из Финляндии. Вы валяли деревья на дороге, преграждая нам путь сучьями. Вы начисто срезали наши поселки, чтобы мы замерзали в болотах. Вы ломали окна, печи, резали скот и взрывали мосты. Но мы шли по вашим пятам, стиснув зубы. Вы бежали как подлые гадины, скрывшись за рубежом.

Помните Ухту? Ну конечно вы ее хорошо помните. Вы сожгли здесь полгода тому назад нашу школу, где учились наши советские дети. Мы, московские рабочие, стоим сейчас у этих развалин и еще чувствуем запах гари.

Вы сожгли у нас одну школу. Мы их выстроили сейчас двадцать шесть, и смотрите, сколько их, наших детей, бежит сейчас в школу на лыжах.

Мы построили здесь электрическую станцию. Мы строим лесопильный завод, столярный завод и совхоз. Мы не едим больше хлеба с корою. Мы выполняем сейчас программу в триста шестьдесят тысяч фесметров.

Вы, фашистские гадины, тоже копаетесь в лесу и знаете, что это значит.

Правда, у нас здесь в Ухте пятьсот неграмотных, но о них позаботятся наши дети, пионеры.

Мы вас помним, фашистские гадины.

Вам не сидится спокойно. Вы протягиваете жадные лапы к советской Карелии.

Вы забыли, должно быть, уроки двадцать второго года! Плохая же у вас память! Ну что ж, мы вам напомним. Мы люди не гордые.

Нам было очень трудно тогда. Мы голодали. Мы добывали еще остатки белогвардейщины.

А здесь, в Карелии, была коммуна. Вековые леса. Богатейшие минералы. Потоки воды для электрических станций. Рыба.

Железная дорога к океану. К. незамерзающему порту Мурманску.

И вам захотелось полакомиться. Вам снилась „Великая Финляндия, от моря до моря, с границами, простирающимися до Урала“.

И вы шагнули через границу. Вы прорвались к железной дороге. Вы шли по Сег-озеру, там, где мы шли недавно на лыжня наша еще не запорошена снегом. Вы взорвали мост через реку Онда и сумели поднять кулаков против коммуны.

Вы не плохо знаете тактику. Трудно было выбрать время удачнее. Мы не умели ходить на лыжах, а Карелия была по гребена под снегом. Мы не умели ходить на лыжах, а против нас действовали лучшие в мире лыжники.

Вы теснили нас к железной дороге. Били с фронта и тыла. Окружали и уничтожали беспомощные, утопающие в снегах отряды.

Мы были плохими лыжниками, но мы были большевиками. И мы сделали то, что должны были сделать. Достали лыжи, сани. Учились ходить на лыжах так, как сейчас у нас учатся дети. Сколачивали ударные группы красных финнов. Учились стрелять из винтовок и пулеметов.

Мы встали на лыжи. Большевики сделались лыжниками. Помните? Те, кто не умел ходить на лыжах, за десять дней прошли триста километров с боями.

Помните? Сто пятьдесят финнов-красногвардейцев прошли в четырнадцать дней семьсот километров с боями, по лесным чащам без дорог, через бесконечные перевалы. Медвежья гора, Паданы, Умба, Реболы,— мы проходили здесь и знаем, как это трудно.

Помните? Этот отряд захватил в плен вашу разведку. Взяв с боем Реболы. Перебросился в Кемас-озеро, разгромил штаб одного из ваших полков и захватил боевое снаряжение и продовольствие.

Помните?

Помните кестеньгских лесорубов? Тех самых, которые утоптали нас макаронами и которые умеют выполнять план на 119 процентов. Они взяли все-таки Кокосальму, проваливаясь в снег по пояс, утопая в болотных водах, превращаясь в сосульки на жестоком морозе. Три раза штурмовали они неприступные скалы Топ-озера и три раза отходили с потерями. На четвертый раз вы, белофинны и белокарелы, позорно бежали в леса.

Все это помните?

Плохо вы помните, господа лапуасцы!
Вам не сидится на месте. Наш мирный труд и наши успехи приводят вас в ярость.

Вы обливаете помоями наши границы. Вы преследуете советских граждан. Вы хотите ущипнуть нас так, чтобы мы закричали. 12 мая 1931 года вы демонстрировали нагло перед нашим полпредством с молчаливого согласия вашей полиции.

Вы обвинили нас в том, что финны-ингерманландцы, т. е. живущие на территории Ленинградской области, угнетены, в то время как они добровольно объединились в колхозы.

Вы объявили, что коллективизация в Карелии представляет собой „нарушение требований культуры“, и в то же время у вас в связи с сокращением лесных заготовок в Улеборгской области люди примешивают к хлебу древесную кору и тяжело голодают.

Вы собирались продемонстрировать против СССР, отправляясь маршевым порядком на пограничную станцию Райоки.

Вы произносите речи, в которых заявляете без стеснения: „Если бы молния войны вспыхнула теперь над Карелией, то нашлось бы достаточно людей, чтобы поставить границы туда, куда должно распространиться могущество Финляндии“. „Для полноты и силы Финляндии ей недостает только Ингерманландии и Восточной Карелии“.

Вы ведете жестокую борьбу на мировом рынке против советского леса.

И даже швейцара, работающего в нашем консульстве в Вырборге, вы лишаете финляндского гражданства.

Вы, финские активисты-лапуасцы, испытываете наше терпение. Да, мы очень терпеливы. Рабочий класс СССР не хочет войны. Мы не хотим прерывать наш глубоко мирный труд.

Но мы готовы! Всегда готовы, как говорят пионеры. Всегда готовы защитить свое право.

Хотите послушать, что говорят финны-ингерманландцы, о которых вы так горячо печетесь.

Вот что они пишут:

Мы, колхозники Таликовского сельсовета Ленинградской области, являемся по национальности финнами-ингерманландцами. В ответ на клевету финских фашистов и белогвардейцев заявляем, что мы, осознав все преимущества коллективного хозяйствования и желая активно участвовать в строительстве социализма, без всяких принуждений организовали колхозы, на которые уже вошло 95 процентов крестьянства нашего сельсовета.

При царизме мы вели жалкую жизнь. Великорусский шовинизм не делал для нас исключения и давил нас наравне со всеми малыми национальностями бывшей России.

Перед нашими детьми были закрыты двери школ.

Тысячи бедняков-ингерманландцев были засажены в царские казематы и посланы на каторгу за революционную деятельность и за стремление повысить свой культурный уровень.

Сейчас в нашем Таликовском сельсовете мы имеем школы, где преподавание целиком ведется на финском языке, общественную столовую, ясли, театр, избу-читальню. Имеются многочисленные курсы и кружки для взрослых и молодежи.

Мы сами выбираем свои органы власти — советы. Над нами нет других хозяев, кроме как мы сами.

Ни в какой защите со стороны самоявленных „ингерманландских комитетов“ мы не нуждаемся и решительно протестуем против действий наглецов, осмеливающихся выступать от нашего имени за границей.

Раньше чем делать свои клеветнические заявления, пусть-ка вспомнят фашисты и их пособники — социал-демократы — о всех тех зверствах, которые творятся в самой Финляндии, где десятки тысяч рабочих томятся в тюрьмах. Пусть вспомнят хотя бы тюрьму Тамми Саари, ужасы которой нам хорошо известны. Пусть вспомнят о тысячах застреленных и замученных в Финляндии революционеров, единственных и подлинных борцов за интересы трудящихся.

В ответ на происки фашистов и белогвардейцев мы, колхозники Таликовского сельсовета, берем на себя следующие конкретные обязательства...

Финны-ингерманландцы Пюринде, Пюэря, Карлано, Туйпо, Алку и Който берут очень много на себя обязательств: увеличить посевные планы, вступить в МОПР, передать лучших в партию Ленина.

И свои обязательства они выполнят. Будьте спокойны!

Мы помним вас, фашистские гадины! Мы помним вас, как вы били нас на лыжах. Мы отдаем вам должное, но теперь не уступим ни в чем. Видите эту белую цепочку, которая вот уже два часа приближается к нам по озеру. Это идут московские рабочие. Они тоже на лыжах и с ними собака. Вы слышите! Даже собаки на нашей стороне.

Московские ребята заявили нам:

— Мы пришли сюда к вам в тридцать дней на лыжах и покрыли тысячу шестьсот километров. Если понадобится, мы покроем это расстояние вдвое скорее. Мы умеем держаться на лыжах, и никто не посмеет обидеть наших товарищей, советских карелов и советских финнов.

Слышали, господа лапуасцы?

Видели? Прочувствовали?

То-то!

На Топ-озере, пустынном как тундра, почти у самого берега мы увидели несколько красных флажков. Оказалось, что это кестеньгские товарищи тренируются здесь в стрельбе.

Факт говорит сам за себя. В глуши, далеко от железной дороги, среди пурги и непроходимого леса не только работают кестеньгские лесорубы, не только валят экспортный лес, умножая этим машины для наших фабрик.

Они помнят о Кокосальме. Помнят о вас, финские лапуасцы. Помнят и держат курки на взводе.

ПРОВЕРЯЙТЕ НАШИ ДОКУМЕНТЫ

Временами мы идем сожженными лесами, и тогда нестерпимо пахнет гарью. Иногда попадаются целые участки, где лес совершенно высох или гниет на корню.

Дорогу часто преграждают деревья, поваленные бураном.

Во время сильного ветра мы слышим угрожающий скрип.

Здесь десятками попадают, деревья, выкрученные бураном, как мокрая тряпка, выжатая в умелых руках. А сейчас вот я наблюдаю два сцепившихся лесных гиганта, намертво обнявшихся сучьями,— это дерево, сломанное пополам ветром, причем верхняя часть так и не упала на землю.

Каждый из нас изучает в пути впереди идущего товарища. Я изучаю многочисленные цветные пятна на штанах у Шекланова. Я в совершенстве изучил их цвета, размеры и взаимное расположение. Я построил целые теории, объяснявшие причины их возникновения. В самом деле, идем ведь от восхода до захода солнца.

Кроме того я изучаю снег, как какой-то художник изучал море. Это—сахар, вата, посыпанная нафталином, песочные дюны, наконец застывшая лава. Вот что такое снег. Я изучаю снеговые буранчики, которые крутит на снегу поземка, и все-таки это надоедает смертельно.

Тогда мы изучаем небо. Цвета его поразительно разнообразны: от мутного, серого до светлозеленого, красного, нежно-голубого и темносинего.

Мы изучаем олени и лосиные следы, прыжки россомахи, и все-таки не находим удовлетворения. Тогда мы надеваем синие защитные очки, но они приводят нас в мрачное настроение.

Сегодня вечером мы прошли мимо столба, предупреждавшего о пограничной зоне. Падал мягкий снег, который сделал ход тяжелым.

Белла тянула Сережу Пулькова, который изнемогал от усталости со своей тяжелой непарной лыжей-переростком.

Мы блудили в лесу несколько часов, пытаюсь пробиться к Кондокам. На берегу белесого озера нащупали какую-то

деревню. Добрые полчаса мы стучали в избы, пытаюсь найти председателя сельсовета. В избах было темно, но нас видели, мы знали об этом. Мы слышали шелканье дверных затворов, и бабы заставляли двери комодами.

Нас приютили красные пограничники, которые нащупали нас во-время.

Мы попали сюда случайно, потому что маршрут пришлось изменить в самый последний момент из-за полного отсутствия дорог. И здесь нас не ждали.

Мы рисковали. Мы понимаем волнение тех, кто заметил нас ночью быстро скользящих на лыжах по озеру.

Мы понимаем товарищей пограничников, которые слишком внимательно изучали наши документы. Вид у нас довольно воинственный и для этих мест несколько странноватый.

Все равно мы не ушли бы далеко. Наша лыжня пересекла контрольную тыловую лыжницу. И нас бы настигли красные пограничники, чтобы проверить наши документы и... угостить сладким чаем с прекрасным клюквенным экстрактом.

Здесь заблудиться трудно! Как бы ни мела вьюга, как бы ни завывал буря, — все пути ведут к пограничной комендатуре.

Нас неоднократно задерживали в этих районах простые крестьяне, принимавшие нас за белофиннов. Они были очень подозрительны, очень внимательны к нам и слишком недоверчивы.

И мы не возмущались этим. Мы гордились и восхищались ими.

Значит, мы очень сильны, если даже простые крестьяне ревностно берегут красные рубежи.

Здесь почти не знают русского языка. Но мы не горюем. Мы понимаем друг друга. Мы улыбаемся, смеемся и кричим:

— Терве (здравствуй)!

Когда нам нужно обедать, мы спрашиваем:

— Где моя большая лузика (ложка)?

Шукшет — это лыжник. Лейбе — хлеб. Но уже — вставай!

И всюду удивительно радушный прием. Нам отдают последний кусок хлеба. Топят горячие бани. Уступают свои постели. Постилают лучшие оленин шкуры.

В Ухте предугадывали малейшее наше желание. Приготовили лучшую баню (запомнилось: широкое окно бани. Из окна видно снежное озеро. У крыльца — десять пар лыж, как автомобили у подъезда театра). Подарили нам лучшие карельские пьексы. Поделились настоящей финской мазью. Краснознаме-

Рис. 6. И всюду удивительно радушный прием.

нец, бывший красный партизан, лично вывел нас на кратчайшую дорогу.

Фельдшер в Конецковдозерской так волновался и суетился, что сам, того не замечая, резал картошку хирургическими инструментами, а вечером положил нас на самые лучшие, самые широкие операционные столы.

Все это поднимало наши силы. Создавало такой подъем, что мы забывали о трудностях перехода.

Принимали не нас, Сашу, Мишу, Сережу. Принимали представителей московских рабочих. Соратников по труду. Товарищей в боевой обстановке.

БУДЬ СПОКОЕН, ТОВАРИЩ ЖУКОВ!

Недалеко у Полярного круга, у самой границы лежит седая гора Кивак. Высота ее 1500 метров, и похожа она на гигантскую немецкую овчарку, положившую голову на лапы и распустившую пушистый хвост леса.

Мы увидели эту гору за несколько десятков километров. Мы ползли по озеру часами, изнывая от усталости, а она все также была далека.

Кругом Кивака были другие горы, поменьше, скрытые синей дымкой тумана.

Снежная вершина Кивака ослепительно блестела на солнце и издевалась над нами.

И нас взяло зло. Мы обязаны взять эту вершину. Мы хотим посмотреть с высоты 1500 метров на советскую Карелию и фашистскую Финляндию.

Разве у нас на ногах не полугорные лыжи и разве мы только умеем ходить по озерам?

У самой горы — пограничная застава Варталамбино. Из окна избы, где живут пограничники, можно с трудом видеть вершину Кивака, если задрать кверху голову.

Где-то за горой проходит контрольная пограничная лыжня, по которой неустанно ходят на лыжах красные пограничники.

И нам захотелось проверить, как ходят пограничники на лыжах. Уступают ли они финнам? Берегут ли они крепко наши границы? И мы взяли с собой отделенного командира товарища Чиркина.

Он согласился нас провожать на вершину, не задумываясь над тем, что еще никто там не бывал зимой.

Ровно в 6 часов утра мы покинули пограничную заставу.

В валенках, гимнастерке, с наганом, на плохих, но хорошо смазанных лыжах, с огромными суковатыми оглоблями-палками, с крохотными кольцами Чиркин произвел на нас не совсем благоприятное впечатление.

Но мы не смеялись. До подошвы было 10 километров по сильно пересеченной местности. Он упарил нас, как нас парили в ухтинской карельской бане. Он шел русским ходом, не сгибаясь, мастерски работая своими оглоблями, высоко задирая руки, точно взбираясь по канату. А мы кряхтели за ним финским.

Он упарил нас крепко и у самой подошвы горы остановился и несмело спросил:

— Ну, как, я умею хоть немного ходить на лыжах?

Мы едва переводили дыхание.

Он вел нас на вершину по целине, среди густого леса и кустарника, работая своими оглоблями, как мощными рычагами. Он не имел горного крепления, которое имели мы, и специальных лыж „муртомаа“. Но он неуклонно шел вперед, и пот катился у него из-под шлема ручьями („снять неудобно —

пограничная зона!"). Мы хватались за сучья, в глубоком рыхлом снегу утопали наши лыжи, и кусты цеплялись за кольца.

Через три часа мы достигли вершины.

Безлесая, угрюмая, покрытая ледяной коркой обветрянного снега, усеянная острыми скалами, она произвела на нас грандиозное впечатление.

Ярко светило весеннее солнце. Внизу можно было ходить без рубашек, но здесь свирепствовал холод, и мокрые потные рубашки сразу сделались каменными.

Мы стояли здесь не более трех минут, потому что ветер пытался сбросить нас в пропасть и застывали ноги.

Сидя на лыжах спиной к скале, у края страшного южного отвеса, короткими отрывистыми фразами мы записывали свои впечатления.

Направо в тумане, в горах лежала Финляндия, и мы ясно различали в бинокль в глубокой долине финскую деревню Паано-Ярви. Налево внизу на сотни километров раскинулось непередаваемое снежное озеро и совсем игрушечными казались домики пограничной заставы. Мы увидели отсюда, с Кивака, наш путь на три дня вперед. Гордо блестела на солнце снежная вершина Циплинги, отрезанная от земли облаками. Речка Оланга извивалась в лесу белым удавом, и смешной лужицей выглядели отсюда пороги, которые слышны внизу на десятки километров.

Здесь Чиркин чуть не потерял свои лыжи. Он упал на крутом ледяном спуске с вершины, и лыжи его покатались к краю пропасти. Еще секунда — и лыжи сделали бы беспримерный в истории лыжного спорта прыжок в полторы тысячи метров.

На карту было поставлено все. Нельзя было опозорить звание красного пограничника и остаться здесь, на вершине, без лыж. Потому что лыжи — это второе оружие пограничника.

И Чиркин сделал невозможное. Он прыгнул, как тигр, и ухватил лыжи за хвост, разодрав себе скулы о ледяные уступы и остановившись на краю пропасти. Честь пограничника была спасена, и Чиркин не обращал внимания на кровавые капли.

Еще внизу Чиркин не верил в наше горное крепление и уверял, что на нем можно сломать себе ногу. Здесь, на вершине, на краю южного отвеса он признал его окончательно и пожал нам руки.

Мы спускались с горы вихрем по старой лыжне, делая бесконечные „христианин“ и „телемарки“ среди кустов и чащи леса. Чиркин сидел верхом на палках и вспахивал снег, как

трактор вспахивает целину, не отставая от нас ни на шаг, вырывая с корнем небольшие деревья, за которые он хватался на спуске.

И нас удивил отделенный командир товарищ Чиркин.

Если он на таком убогом и жалком инвентаре сварил нас заживо, то что же будет, если дать ему наши лыжи и научить его нашей технике.

Да, здесь умеют ходить на лыжах!

Но нас поражает, товарищи пограничники, убогость вашего инвентаря. Посмотрите на эти палки, извилистые, как лесные дороги, и на жалкое подобие колец. Такой инвентарь у всех карельских пограничников. Мы ощупывали его своими руками.

И здесь нам хочется сделать несколько замечаний.

Сейчас Автодор проводит большую и нужную кампанию. Советская общественность создает железный фонд для вооружения нашего пограничника техникой — автомобилем, мотоциклетом, глассером, моторной лодкой и аэросанями.

С этой техникой наши рубежи будут еще более крепкими. Эта техника облегчит тяжелую, полную лишений и нервного напряжения жизнь красного пограничника и даст нам возможность спокойно продолжать наш мирный труд.

Автомобиль, глассер и моторная лодка сделают красного пограничника более подвижным, более чутким, более энергичным и боеспособным во всех отношениях.

Но помня о великом, нельзя забывать о малом. Не надо мечтать только об автомобилях. Пусть не кружится голова!

Вспомните Карелию, вспомните сотни и тысячи километров пограничной зоны, где зимой нельзя применить ни автомобиль, ни мотоциклет, ни глассер, ни моторную лодку. И даже аэросани будут здесь беспомощны, как ребенок, в глухих лесах и в снегах, под которыми текут болотные воды.

Здесь лежат сугробы, глубокие, как горные озера, и разгрываются снежные бури, страшные, как землетрясения. Вьюги и бураны преграждают путь каждому, кто пытается сюда проникнуть.

Здесь нужны простые лыжи. Простые, но крепкие.

Не те, что мы видели у красного пограничника, отделенного командира товарища Чиркина, шершавые, как язык у больного, и извилистые, как лесные дороги.

Наши кольца, сделанные на фабрике Общества пролетарского туризма и экскурсий по заграничным образцам, привели пограничников в восхищение, и смотрели они на эти кольца, как голодный смотрит на хлеб.

Нам было стыдно за себя и за всех наших товарищей лыжников, когда мы слышали их разговор:

— Вот бы нам такой инвентарь. Да куда уж!.. Разве можно. Это для центра.. Для специалистов. А хорошо бы!

Вы слышали? Для специалистов!

И действительно. Наши „специалисты“ годами корпят над улучшением крепления, колец, палок и лыж только для того, чтобы быть первыми на соревновании. Наши „специалисты“ — просиживают бессонные ночи над кастрюлями и котелками и, словно алхимики, варят лыжные мази и держат их рецепты в строжайшем секрете, чтобы эти мази („боже сохрани!“) не попали „конкуренту“ по соревнованию. Часами корпят, работают, делают в общем нужное дело, но забывают при этом о красном пограничнике, об охране советских рубежей, об укреплении обороноспособности советской страны.

Разве это не стыдно, разве это не позорно, товарищи!

Мы спрашиваем, почему сюда, на границу, не присылают самого лучшего инвентаря и самых лучших палок в Советском союзе. Здесь боевая обстановка, и именно здесь они должны быть по праву.

Почему красивые пограничники ходят на жалком инвентаре, на который и смотреть тошно, а мы там, в московских Сокольниках, гардуем на лучших стандартных лыжах?

И все-таки мы подтверждаем еще раз. Здесь умеют ходить на лыжах! Пусть рассказ о скверном инвентаре (но за которым блестяще ухаживают!) не вводит читателя в заблуждение. Отделенный командир товарищ Чиркин и его многочисленные товарищи, которых мы встречали на протяжении нескольких сот километров вдоль финской границы, доказали это. Плохое качество инвентаря и слабое знание лыжной техники с лихвой восполняются энтузиазмом и несравнимой преданностью наших товарищей пограничников делу охраны советских рубежей.

Мы обращаемся ко всей физкультурной и ко всей советской общественности: нужно вооружить красного пограничника не только инвентарем, но и помочь ему овладеть лучшей техникой.

Наши физкультурники имеют большие достижения в лыжном деле. Мы знаем такие „тонкости“, которые доводят ходьбу на лыжах и управление ими в горах до совершенства. Эти тонкости нужно передать нашим товарищам-пограничникам.

Почему бы отдельным физкультурным организациям не взять шефство над пограничниками снежных районов, для

передачи им своего физкультурного опыта. Чтобы в свою очередь овладеть боевым опытом, военной техникой, военными знаниями, которых у нас явно недостаточно.

Мы были в Петрозаводске, в единственном в СССР лыжном егерском батальоне.

Да, у вас прекрасные достижения, товарищи. Мы видели, как вы ходите на лыжах. У вас все продумано до мелочей.

Нас восхищают ваши белые маскировочные халаты, лыжные костюмы, пулеметные установки и санитарные носилки на лыжах. Мы знаем, как быстро вы можете расположиться на ночлег в лесу и в поле, несмотря на вьюгу и сильные морозы. Мы поражаемся, с какой болезненной аккуратностью вы следите за своим инвентарем.

Но почему ваше влияние не чувствуется здесь, на границе? Почему пограничники не знают о ваших достижениях и следовательно не имеют возможности применить их на практике?

Почему бы вам не сделать несколько опытных рейдов по пограничным заставам для передачи своего опыта сюда, на границы? Мы считаем это вашей обязанностью и вашим прямым долгом.

Еще одно предложение. Московские металлисты организовали кавалерийский полк. В свободное от работы время фабричаники, молодые рабочие и работницы, комсомольцы и беспартийные обучаются верховой езде и военному делу. Мы видели этих ребят и девочек на десятидневных маневрах в лагере. Они уверенно держатся на лошади и неутомимы в разведке. Они не плохо разбираются в тактике и в стрельбе не уступают кадровым бойцам. Никто лучше их не ухаживает за лошадью. И все это совершенно добровольно! Вряд ли этих товарищей будут призывать в армию — потому что они получают прекрасную боевую подготовку вневоинским порядком.

Почему бы не организовать по примеру кавалерийского полка один или два показательных лыжных батальона? Мы уверены, что найдется не одна сотня опытных и начинающих лыжников, которые охотно вступят в ряды этих батальонов.

Один-два вечера в декаду можно посвящать изучению тактики, топографии, военно-стрелкового дела. В выходные дни проводить тактические выходы в поле на лыжах с оружием, пулеметными лыжными установками и санитарными нартами, соединяя эти выходы в поле с экскурсиями, прогулками и даже ночевками в лесу, изучая при этом всесторонне лыжную технику.

Разве это не увлекательно? Разве это не даст нашей стране сотни и тысячи „лыжных кавалеристов“, прекрасно вытренированных бойцов, умеющих вести боевые действия на лыжах в самых суровых условиях? Создать такой батальон нетрудно. Осоавиахим и Красная армия охотно пойдут навстречу. Лыжный инвентарь сумеет приобрести каждый боец батальона на свои средства (ведь каждый и так катается на лыжах). Нужно проявить только немного инициативы.

Мы предлагаем обсудить наше предложение соответствующим физкультурным организациям и Осоавиахиму. Пусть сами лыжники проявят инициативу.

И в качестве первого, краеугольного камня мы, ударники-металлисты, прошедшие на лыжах две тысячи четыреста километров из Москвы к Северному Ледовитому океану, в полном составе объявляем себя добровольцами первого лыжного батальона имени товарища Ворошилова.

Таково наше коллективное предложение.

Идем, покачиваясь от тяжелых мешков, все дальше на север. Солнце греет нам спины, и на коротких остановках мы поворачиваем к нему свои лица. Синие очки в яркий солнечный день окрашивают все окружающее в мягкие, спокойные тона.

И под монотонный скрип палок, когда идетя легко, каждый из нас думает. О чем? О чем угодно. О заводе, о товарищах, о доме, о солнце, снеге, птицах, лесорубах, фесметрах...

Прерванный почему-либо разговор иногда возобновляется спустя час или два без каких бы то ни было вступлений.

А когда идти тяжело, когда ремни вещевого мешка стесняют дыхание — тогда думаем только об одном: скорей бы привал! Скорей отдых, есть, пить, снять ботинки, развалиться на полу.

На пути изредка встречаем лыжников. У них нет специальных лыжных костюмов. И идут они вовсе не на прогулку. Они — работают.

Карелия, так же как и Финляндия, — родина лыж. Здесь умеют бегать на лыжах не только красные пограничники.

Мы встретили в Паданах мальчиков и девочек с мелкокалиберными ружьями за плечами. Это школа в полном составе участвовала в военизированном переходе.

Там же, в Паданах, мы слышали от ребят такую фразу:

— Сегодня я не успею в школу, потому что у меня сломались лыжи.

На лесозаготовительном пункте в Кент-озере лесорубы каждый выходной день устраивают лыжное соревнование.

В Ухте на соревновании в десять километров первым пришел крестьянин финн Нисканен, 48 лет, и на наших глазах показал первоклассное время в 38 минут.

Между прочим в этом же соревновании приняли участие и наши ребята, Воронцов, Устрицев и Елизаров. Но соревнование для них окончилось неудачно. Особенно для Коли Воронцова. На четвертом километре у него свело обе ноги, и его товарищам пришлось волочить его в больницу, которая, к счастью, оказалась неподалеку. Не стоило бы вообще принимать участие в этом соревновании, так как наш организм уже получил достаточную нагрузку (мы прошли уже тысячу шестьсот километров), но это было сделано в знак солидарности с ухтинскими товарищами, которые приняли нас удивительно радушно.

Нас поразило в этом соревновании то, что дистанция проходила исключительно по накатанной, почти ледяной тракторной дороге. Поэтому лыжники шли на высоких палках бесшажным финским ходом, почти на одних руках.

Мы указали на это ухтинским товарищам, рекомендовав им в дальнейшем устраивать соревнование по лыжне на пересеченной местности.

Здесь все ходят на лыжах — лесные рабочие, десятники, женщины, дети (правда женщины — меньше).

Мы ночевали у корела Кондрата Сайткова. Старик 59 лет в серой домотканной фуфайке, в широких зеленых брюках и пьексах-кеньгах принял нас очень радушно и подкрепил наши силы свежим оленьим мясом. Утром он засунул финский топор за пояс, встал на лыжи и, попрощавшись с нами, легко побегал в лес на работу. Мы поражались. Но шестидесятилетний лыжник — здесь обычное бытовое явление.

Мы рассказываем об этом в наших русских деревнях и колхозах. Мы сумеем теперь более убедительно, чем раньше, говорить с нашими крестьянами.

А ведь введение у нас лыж в быт есть, пожалуй, такая же политическая проблема, как и борьба за панко-реги здесь, в Карелии.

Ведь это, право, большое безобразие, что в нашей снежной стране не умеют ходить на лыжах.

Целый ряд наших организаций часто проявляют халатное отношение к важнейшему для труда и обороны СССР делу внедрения лыж в быт. Десятники Шим-озера и лесные рабо-

Рис. 7. Идем, покачиваясь от тяжелых мешков, все дальше на север.

чие с усмешкой показывали нам очень длинные и очень узкие лыжи, которые прислали им из Ленинграда для работы в глухой чаще леса. Разве это не издевательство?

Мы видели у нас в РСФСР почтальонов, которые утопали в снегу вместе со своими почтовыми сумками.

Мы видели молодых агрономов, которые тряслись на лошади, закутанные в тулупы, учителей, комсомольцев, и все они не умели ходить на лыжах.

Нужно учиться у наших товарищей корелов и финнов. Лыжи ведь у нас есть, а научиться ходить не так уж трудно.

Так в чем же дело?

Еще поразило нас одно обстоятельство.

Мы присутствовали при премировании в Ухте ребят и стариков за меткую стрельбу и быструю ходьбу на лыжах.

Премировал Оссавиахим. И все получившие премии имели членские книжки, в которых и делалась отметка о премировании.

И мы поражались. Здесь член Осоавиахима — это почетное звание, которое оправдывается серьезной боевой учебой. Здесь с гордостью называют себя членом Осоавиахима и бережно хранят красную книжку. Близость границы накладывает на товарищей особенную ответственность за все свои действия.

Этим не всегда можем похвастаться мы. Когда мы хотим посмеяться над человеком, мы пренебрежительно говорим о нем, что он член всех добровольных обществ: Осоавиахима, МОПР и „Друга детей“. Разве в пьесах не показываем мы таких типов? Все это вызвано тем, что само членство в этих добровольных организациях не связывается с выполнением добровольно (да, добровольно, товарищи!) принятых на себя обязательств. А это неверно. Этого надо стыдиться. И ухтинские товарищи далеко идут впереди нас в этом отношении.

Кстати, о премировании. Ему мы придаем известное значение для поощрения коллективов и отдельных товарищей.

Здесь, в Ухте, ребят премировали книгами и огромными гипсовыми барельефами с портретами Маркса и Энгельса. Ребята катили домой эти барельефы, как колеса.

Вводя значок „Готов к труду и обороне“, мы тем самым также поощряем физкультурников к овладению целым рядом навыков и знаний, необходимых бойцу Красной армии.

Но не везде отношение к премированию бывает такое, как в Ухте. Участники перехода, о котором рассказывается в этой книге, тоже были премированы по постановлению слета рабочих-ударников. Но это премирование так и осталось невыполненным постановлением. Дело здесь конечно не в фотографических альбомах перехода и особых памятных значках для участников, о которых забыли работники соответствующих физкультурных организаций. Это в конце концов мелочь. Все дело в том, что мы часто не уважаем свои же собственные постановления.

Когда мы соскользнули с горы Кивак, обсыпанные снегом с ног до головы, славный начальник Варталамбинской заставы товарищ Жуков долго смотрел на нас и сказал с какой-то грустью:

— Вот бы нам таких пограничников!

Примерно ту же фразу мы слышали от начальников отряда молодых красноармейцев. Отряд шел на границу пешком, и мы легко оставили его далеко позади.

От имени наших товарищей по переходу, от имени всех советских лыжников разрешите ответить товарищу Жукову:

— Славный товарищ Жуков! Так мы же и есть твои пограничники. Под твоей командой мы пойдем в бой с белофиннами всюду, куда ты нас поведешь.

Нам не трудно сменить рабочие костюмы на красноармейские шинели.

И мы не одни. У нас в Москве осталось много таких товарищей.

Из них выйдут такие же славные пограничники.

Мы еще сделаем с тобой, дорогой товарищ Жуков, не один боевой рейд на лыжах.

Не бойся, товарищ Жуков! Мы не подкачаем. Мы и пришли сюда на лыжах, чтобы укрепить тебя нашей силой.

Мы не забудем тебя, товарищ Жуков.

Мы будем прислушиваться оттуда, из заводских корпусов, не зовешь ли ты нас на помощь.

И тогда мы опять встанем на лыжи и опять заскользим к седому Киваку и глухой, брошенной Варталамбинской пограничной заставе.

ЧТОБЫ НЕ ПОВТОРИЛОСЬ!

Мы прошли две тысячи четыреста километров на лыжах. Каждый день мы удалялись к северу на несколько десятков километров. Нас не могла остановить пурга. Мы не боялись оттепели и мороза. Как точно выверенные механизмы, как часы, мы методично углублялись в глубь Карелии и Кольского полуострова.

Эта была тяжелая работа. Тяжелая и однообразная, несмотря на то, что мы проходили изумительными местами и поражались окружающей нас природе. Мы часами скользили на лыжах, брали утомительные перевалы и спускались с таких гор, о которых у нас там, в далекой Москве, и не помечтаешь.

Мы прошли две тысячи четыреста километров и все-таки мы совсем не катались на лыжах. Только в Мурманске мы впервые стали на лыжи, чтобы действительно покататься без тяжелого груза, без точно выверенного маршрута. Это было на совместной прогулке с местными физкультурниками.

Все остальное время мы работали. И работа эта была временами очень тяжелой. Уставал организм, ныли плечи, резало глаза от яркого солнечного света, отраженного снегом. Особенно угнетающе действовали гладкие безбрежные озера Карелии. По такому озеру идешь часами, и все таким же далеким кажется берег.

Мы вернулись из похода безусловно здоровыми, окрепшими, заряженными энергией и бодростью, как мощные аккумуляторы, с загаром, которому позавидовали бы крымские жители.

Каждая косточка, каждая мышца, каждый нерв нашего организма были тщательно проверены переходом и капитально отремонтированы. Общие выводы врачебного контроля, о котором мы будем говорить ниже, безусловно подтверждают это.

Но в самом пути наш организм неизбежно терпел различные аварии. Володя Елизаров в таких случаях всегда приходил на помощь во-время со своей тяжелой и чудодейственной сумкой. Он вел счет этим авариям, как хороший бухгалтер ведет счет прибылям и убыткам.

Вот на пробу один из листков его записной книжки.

В. Федосеев.

30 января. Растяжение ступни левой ноги. Боль в течение трех дней от ремней вещевого мешка.

12 февраля. Боль в правом локтевом суставе. Потертость больших пальцев обеих ног.

15 февраля. Общее состояние удовлетворительное. Между лопатками временами ощущается боль. Переменное самочувствие в течение дня.

18 февраля. Настроение веселое. Общее состояние хорошее.

20 февраля. Чувствуется боль в коленном суставе левой ноги. Потертость пяток от недостатка теплых чулок. Растяжение связок правой ноги. Небольшая боль в кистях рук. Желудок работает нормально. Общее утомление от санной упряжки.

24 февраля. Потертостей нет. Желудок работает нормально. Общая усталость.

26 февраля. Никаких изменений. Слабая головная боль от угара.

14 марта. Никаких изменений. Самочувствие прекрасное. Легкая боль в связках правой ноги.

Боль, боль, боль!

Все эти мелкие аварии, вызванные трудностями перехода, неблагоприятными атмосферными условиями и изношенным снаряжением, несомненно отражались на нашем самочувствии. Создавались повышенная нервозность и раздражительность.

Как мы ни были дружны между собой, нет-нет промелькнет между нами тучка. Нет-нет — появится трещинка, как в трескуний мороз на Топ-озере.

Может, не стоило бы рассказывать обо всех этих мелочах, над которыми мы теперь сами смеемся. Ведь они не мешали

нам выполнить все задачи похода, не повлияли ни в малейшей степени на проведение общественной работы, не нарушили нашей дружбы.

И все-таки мы расскажем о них, чтобы предупредить товарищей, предостеречь их на всякий случай.

Впервые это случилось на Андроновой горе. Мы пришли вечером очень усталые. Тем не менее совершенно необходимо было собрать совещание по целому ряду наболевших вопросов.

Один товарищ ответил, когда его позвали на собрание:

— Мы не едем на собаке, как некоторые.

Он был отчасти прав. Собака действительно подтягивала человека. Она была взята в поход именно для этой цели. Она блестяще оправдала свое назначение. Но этот товарищ забыл, что первые тысячу километров собаке было особенно трудно. Этот товарищ забыл, как кровоточили ее лапы и как человек, словно кавалерист, ухаживал за собакой, когда уже все давно спали. Этот товарищ забыл, что человек, который ехал с собакой, нес на себе лишние восемь кило груза. Этот товарищ забыл, как человек оставался сзади и на ледящем морозе очищал собаке от ледышек лапы и потом все-таки нагонял шеренгу.

Первую тысячу километров собаку нельзя было придать никому кроме проводника. Но потом наступил перелом. Собака вошла в норму. Она научилась подтягивать лыжника. Она научилась даже на головокружительных спусках, привязанная к лыжнику, не попадаться ему под ноги. И тогда наступило время придать ее слабому.

Это и было сделано. Сигнал товарища был принят вовремя. Конфликт был улажен.

Мы питались не плохо. Заброска почтовых продовольственных посылок обеспечила нам довольно разнообразное и сильное по калорийности питание. Правда, нередко мы шли быстрее почты, и тогда посылки не поспевали за нами. Здесь мы всегда вспоминали Сергея Сергеевича Каменева, который, услышав от нас о нашем плане заброски посылок почтой, назвал нас неисправимыми оптимистами, но все-таки не было основания жаловаться на питание.

А собака питалась мясом. Его доставали с трудом в небольшом количестве, и вез его на себе проводник собаки. Она имела право получать это питание, потому что никто не работал больше ее. Кроме того, что она везла лыжника, она несла на себе вьюк с аптечкой и охраняла мешки на привалах.

И вот, когда было особенно голодно, когда мы не получили очередной посылки, кое-кто заявил:

— Почему собака ест мясо?

Приходя на ночлег, мы размещались в двух избах. Как-то так получилось, что мы разбились на две постоянных партии. И так как в пути мы разговаривали мало, утомленные переходом, а сейчас же по приходе разбивались по избам, — неизбежно получились два лагеря, две крепко спаянные внутри себя пятерки, но мало связываемые между собой.

Нужно было разбить эти пятерки, и мы сделали это.

Больше двухсот километров мы тянули с собакой нарты.

Это был опыт и опыт очень ответственный. Нарты дают возможность везти большое количество грузов. На легких нартах мы устанавливаем в армии пулеметы и даже пушки. На нартах мы несомненно будем перевозить раненых. И мы испытали нами же сконструированные нарты.

Тот, кому было особенно тяжело в походе, бросил с укоризной:

— Вам легко... Вы с нартами!..

Но когда он запрягся сам, то увидел: очень трудно с нартами.

Особенно на подъемах. Он испытал на себе, как во время спуска тяжело нагруженные нарты сбивают с ног лыжника. Как нечеловечески тяжело в пургу и мятель, когда нет дороги, как тяжело на озере, когда из-под снега выступает вода!

Было время, когда головной лыжник шел плохо. Он тормозил на спусках, и мы сбивались в кучу. Он шел рывками вместо того, чтобы идти размеренно и спокойно. Особенно тяжело было задним, потому что между лыжниками получался просвет, и чтобы не отставать, приходилось все время идти финским.

Что нужно было сделать? Сменять головного почаще. Так мы и сделали.

Раздражали мелочи такие, на которые в обычной обстановке мы и не обратили бы внимания. Натягивали нервы. Волновали.

Вы правы! Не стоило об этом рассказывать. Тучки проходили мимо нас, исчезая бесследно. Срастались трещины, как на Топ-озере срастается лед.

Разве мы не вернулись назад со смеющимися глазами? Разве не скрепила нас прочная дружба? Разве результат нашей общественной работы не есть результат усилий крепкого, нерушимого коллектива?

Просто мы уставали. Приходили мокрые, голодные, злые. Долго стучались в избы. Стирала до крови ноги. Вот и ворчали.

А все-таки лучше сделать так, чтобы и этого не было. Вот почему мы и рассказали читателю о том, почему собака ест мясо, как легко тому, кто идет с нартами, и как раздражает головной, если он идет скачками.

Чтобы не повторилось!

БЕЛЛА

Белла — служебная собака. Это значит, что ей вовсе не подобает валяться на теплом коврикe. Рабочие руки нужны на социалистической стройке. Нужны там даже собачьи.

Вот она бежит впереди меня по лыжне, широко расставляя пальцы, чтобы не проваливаться в снег. Поводок, который привязан у меня к поясу, натянут струной. Я работаю палками и иду финским ходом. Но все мои движения — плавные и удивительно легкие, как движения прыгуна на замедленной киносъемке. Я делаю легкий толчок руками, а скольжу на десятки метров.

Устремившись вперед, распутивши хвост и работая им как рулем, Белла бежит вперед без усталости, послушная словам команды.

— Назад! — и поводок ослабевает.

— Вправо! — переходит на правую лыжню или обочину дороги.

— Вперед! — сразу срывается с места.

И яростное „Белла, фу!“ — на каждом спуске, где собака и лыжник сливаются в стремительном полете.

Езда за собакой — это уже не обычная ходьба на лыжах, это совсем новый вид спорта. В самом деле, лыжник, который спускается, действует „единолично“. Он волен повернуть вправо или влево, куда ему вздумается и где ему вздумается. Попробуйте сделать это с собакой, которая привязана к вашему поясу. На полном ходу она вдруг попадает вам под ноги. Вы падаете и увлекаете за собой собаку. Все это сливается в снежный клубок, с яростным лаем и дикими окриками.

Вам нужно повернуть вправо — как заставить собаку на полном скаку повернуть туда же? Как затормозить перед краем обрыва?

Тот, кто не любит собаки и не умеет ходить с ней на лыжах, тот не имеет права ее брать с собой в переход. Потому

Рис. 8. Белла — служебная собака № 530.

что на первом же спуске он поранит ей лапы своими лыжами, растянёт ей связки, переутомит так, что у нее будут дрожать поджилки.

Вот почему только после того, как собака прекрасно вытенировалась, только после того, как у нее огрубели лапы и окрепли мышцы,—мы стали ее придавать слабым товарищам.

Белла — служебная собака. Волчий окрас, густая жесткая шерсть и торчком уши. Сколько таких собак гордо вышагивают за своими хозяйками по центральным улицам города. Все они называются служебными собаками. И в лучшем случае умеют носить в зубах плетку, находить „апорты“ и взбираться на десяток ступеней специально построенной лестницы.

Белла тоже валялась на коврике, таскала „апорты“, взбиралась на десяток ступеней лестницы.

Мы решили проверить. А что если завтра по-настоящему придется взять в руки винтовку и заскользить на лыжах для настоящего серьезного боя? Что будет делать собака? Валяться на коврике? Или, может быть, пойдет вместе с нами в поход, будет спать под одной шинелью, будет вместе с нами итти под пулеметом противника? И мы взяли с собой собаку.

Она чувствовала себя очень растерянно, когда мы впервые одели ей вьюк на спину. Первые десятки километров она беспрерывно оглядывалась назад, словно спрашивая, „куда вы меня ведете?“ Изредка с остервенением кусала наседавшие на нее носки лыж.

Но потом она поняла все. Она радостно бежала вперед и на коротких привалах обязательно подходила к каждому.

— Все ли здесь, не остался ли кто сзади?

Белла блестяще оправдала свое назначение. Она оказала нам совершенно конкретную помощь. Проявила себя дисциплинированным участником перехода, испытанным верным товарищем.

Вот что проделала собака в походе.

Всю дорогу Белла шла впереди лыжника на длинном поводке, привязанном к поясу лыжника. Таким образом она оказывала ему значительную поддержку, подтягивая его вперед.

Сереза Пульков сломал лыжу. Ему было очень тяжело итти на своем огрызке несколько сот километров. И он вымотался совершенно. Его даже качало ветром.

Тогда мы придали ему собаку. 250 километров они шли вместе. Оба спотыкались, жестоко разбивались на спусках, часто и тяжело дышали, но с каждым километром проясня-

лось лицо у Сережи. С каждым километром становилась скучнее Белла, и все чаще подгибались у нее лапы. Но она ни разу не прилегла, не замечала кровоточащих лап и заботливо оглядывалась на Сережу, словно спрашивая:

— Ну как, Сережа, легче немножко?

И Сереже действительно стало легче. Постепенно он восстановил свои силы, но Белла уже едва поднималась на задние лапы.

По вечерам и ночью Сережа ухаживал за собакой. Он лечил ей раны и варил ей мясо. Благодаря внимательному уходу и облегчению нагрузки Белла в два дня пришла в нормальное состояние.

Таким образом мы сохранили для перехода своего товарища. Сережа Пульков и Белла остались самыми лучшими друзьями.

Особенно четко работала собака на пересеченной местности. Она проделывала огромную работу на подъемах, буквально вытягивая лыжника наверх. И даже ночью, когда не видно дороги и особенно тяжело на спусках, работа ее была безукоризненна. Никто лучше ее не находил в темноте дороги.

Особая трудность перехода для собаки заключалась в том, что она проделала весь путь не за пешеходом, а за лыжником, т. е. почти все время бегом. Местами ей приходилось идти по целине, утопая в снегу, местами — по тонкой весенней корке снега, которая резала ей лапы.

Мы шли с тяжелыми мешками. Белла шла со служебным вьюком, в котором лежала аптечка, лыжная мазь и прочие мелочи. Этот вьюк приводил крестьян в исключительный восторг. Вообще отношение к собаке было самое серьезное. Мы получили десятки предложений оставить собаку в колхозе. Крестьяне очень интересовались, где можно достать такую собаку и как ее воспитывать, чем она может помочь колхозу. Мы провели несколько бесед на эту тему.

Белла несла вьюк охотно, без принуждения, так же, как она делала и все остальное.

220 километров в общей упряжке с лыжником Белла тянула нарты. Кроме того она охраняла наши вещевые мешки, лыжи, палки и в метель помогала нащупывать засыпанную снегом дорогу.

Конечно собака требовала за собой самого тщательного ухода. Нужно было ежедневно смазывать ей вазелином лапы и подлечивать неизбежные растяжения связок.

Собака только тогда будет работать без отказа, когда за ней будет самый внимательный и самый любовный уход. Это

надо запомнить тем товарищам, которые вероятно захотят последовать нашему примеру.

Что показал переход? Он подтвердил еще раз, что собака может быть прекрасным помощником бойцу в любой боевой операции. В условиях суровой зимы, глубокого снежного покрова и бездорожья на Севере собака может идти в разведку вместе с красноармейцами, облегчая им движение. Она может быстро вернуться обратно, доставить срочные донесения.

Собака может работать в любой экспедиции, помогая человеку тащить тяжелые нарты.

Переход еще раз подтвердил прекрасные универсальные качества породы немецких овчарок.

Мы приглашаем товарищей лыжников, имеющих служебных собак, последовать нашему примеру. Обучите свою собаку ходьбе с лыжником. Это новый вид физкультуры, захватывающий не менее, чем прыжки на лыжах.

Собака будет полезна в любой массовой вылазке. Она уравновесит силу участников. Вы можете скользить самым быстрым темпом в одной легкой майке на самых лучших лыжах, а ваш товарищ более слабый в тяжелой куртке и с вещевым мешком за плечами будет поспевать за вами с собакой и даже насвистывать на ходу.

Если вы — лыжник и если вы имеете собаку, ваша общественная обязанность обучить ее ходьбе в упряжке и подтягивать слабого. Это не забава. Не пустое развлечение. Все это так же важно, как и стрельба из винтовок на боевом стрельбище.

А собакам все это очень нравится. Совершенно серьезно. Смотрите! Стоит только показать Белле на вьюк, как она радостно махает хвостом. Стоит только сказать ей „лыжи“, как она бросается к двери.

Смотрите, она готова! Наденьте ей вьюк. Застегните карабин на пояс. Скомандуйте:

— Белла, вперед!

И она рванется вперед, как ветер. Она будет работать с восхода и до захода солнца. Она наклонит голову вниз и будет запоминать дорогу.

Она всегда готова к любому тяжелому переходу.

ПО КОЛЬСКОМУ ПОЛУОСТРОВУ

Запомнилось одно озеро, с которым мы имели дело, когда шли еще по Карелии, — Ковд-озеро. Мы пересекали его в пур-

гу и сбились. Нужно было пробиться к берегу, но сделать это было весьма трудно.

Из белесой мути выступали тяжелые громады островов. Мы блудили среди этих мрачных гранитных скал, как в лабиринте, и все-таки не могли выбраться, потому что здесь слишком много островов.

„Столько, сколько дней в году, а может быть, еще и больше“ — так говорят местные жители. 360 островов!

Здесь опять выступала вода, и опять мы вспоминали Сергея Сергеевича Каменева, который предупреждал нас об этом.

В Княжьей Губе мы впервые вышли на железную дорогу после долгого перерыва и сразу же пошли к Белому морю в направлении Кандалакши.

Море встретило нас неприветливо. Опять мела пурга. Лед громоздился торосами, и итти было очень трудно. Временами мы попадали в воду, но здесь она нам не была страшна. Соленая вода не подмерзает на лыжах, и мы шли на приличной соленой смазке.

Эти торосы погнали нас к берегу. Мы пошли по какой-то тропинке и скоро свернули на целину. Компас нервничал, и, как ошалелая, бегала стрелка. Только впоследствии мы узнали, что здесь благодаря магнитным колебаниям компас показывает неверно. Но мы все-таки шли по компасу. Снег доходил нам до колен. Под рыхлым снегом скрывались предательские гранитные скалы. И Саша Покаев переломил себе лыжу.

Это было совсем плохо. Мы не знали, где мы находимся. Нас окружал густой лес и измотали горы. Мы уже шли больше десяти часов на лыжах без отдыха. Остаться без лыж — значит остаться в снегу. И мы подвязали к сломанным половинкам лыж длинную палку. Саша Покаев волочил эту лыжу, иначе бы он провалился по пояс.

Поздно вечером мы выбрались наконец к Кандалакше. Оказывается, рабочие местного консервного завода с утра приготовились к нашей встрече и даже накопили пару для заводского гудка, чтобы нас приветствовать. Они выслали в море разведку, которая нас не могла обнаружить, потому что мы шли горами.

Дальше наш путь шел по Кольскому полуострову. Мы пересекали его от Белого моря к Ледовитому океану, придерживаясь в общем железной дороги. В нашем распоряжении было очень мало времени, и мы торопились. Других путей кроме железной дороги не было. Можно было свернуть к лопарским погостам, но для этого нужно специальное снаряже-

ние, широкие охотничьи лыжи, чтобы совершенно не зависеть от дорог и жилых пунктов.

Кольский полуостров — это снежные горы, покрытые редким лесом. Тайга и бурелом. Горные озера.

Рис. 9. От Белого моря к Северному Ледовитому океану.

„Шутки океана“ — приливы и отливы — создают резкие перемены погоды. От солнечного безоблачного неба до яростной мятели с перерывом не больше как в полчаса.

Но наряду с тайгой и хмурыми горами мы встретили здесь палаточный город. На речке Ниве строится гидростанция. Тысячи рабочих со своими семьями живут в палатках. Палатки расположены правильными рядами, улицами и переулками. Каждая палатка имеет номер, а на перекрестках стоят даже милиционеры. Все это зимой, в снегу, и напоминает немного Джека Лондона.

Здесь, на Кольском полуострове, вырастает Хибиногорск. Отсюда идут поезда с апатитами — мощным фосфористым удобрением. А сколько еще Хибин спрятано в глубине полуострова, скрыто синей дымкой тумана!

Навстречу нам идут поезда с большими ящиками на платформах. На ящиках — немецкие и английские надписи. Это идут машины для наших фабрик от незамерзающего порта Мурманска.

В Зашейке мы встретили первых лопарей. Лопари — один из самых маленьких народов на земном шаре. В пимах и черных малицах, с широкими ножами у пояса, сидя на нартах в оленьей упряжке, они напомнили нам всем своим видом, что мы подошли к самому северу.

— Здравствуй, товарищи! Приезжайте к нам на Лув-озеро, — огорошили они нас чистейшим русским языком.

Оказывается, эти лопари здесь на постоянной работе. Они перевозят на оленях продовольствие для лесных рабочих. Летом они уходят обратно на Лув-озеро и бродят по всему Кольскому полуострову со своими стадами.

Иногда нам встречаются целые олени поезда. Едет лопарь на оленьей упряжке из 3—4 оленей. За первой упряжкой привязана вторая с пустыми нартами. Затем так же привязана ко второй третья упряжка, четвертая, пятая, седьмая, десятая. На нартах лежат опрокинутые запасные нарты, олени шкуры и шесты для чума. Затем едет второй лопарь. Так едут 5—6 лопарей, а олений поезд растягивается на километр и состоит из 150—200 оленей.

Лопари — народ малокультурный. Они не имеют даже своей письменности и заброшены в горах Кольского полуострова среди непроходимых болот, куда к ним слабо проникает культура. Мы очень жалели, что не имели возможности пройти по лопарским погостам. Это было бы большое дело.

Лопари удивительно приветливы. Нам рассказывали мурманские ребята, что когда они пришли на Лув-озеро, к ним навстречу высыпало несколько сот лопарей.

Рис. 10. В Зашейке мы встретили первых оленей.

Мы проходим по Кольскому полуострову мимо мрачных Хибин, и они остаются для нас загадкой. Здесь мы скользим по поверхности и любимся Севером.

Сюда мы придем еще раз! Через область Коми к горлу Белого моря и далее сквозь торосистый лед и полярный хаос к восточному берегу Кольского полуострова. Мы пройдем по самым отдаленным лопарским селениям и перевалим Хибины. Найдем общий язык с лопарями и йжемцами. Проложим лыжню для культуры. Будем изучать оленеводство и рыбную ловлю. Отыскивать минералы и новые Хибины. Наносить реки на карты. Поднимать коллективизацию. Создавать ячейки Осоавиахима, комсомола и лопарские пионерские отряды. Так мы задумали. Значит, так мы и сделаем.

По озеру Имандра мы идем чуть ли не целые сутки. Ежеминутно сменяется головной. Опять целина, и опять выступает вода из-под снега. Хорошо в сумерках выбрались на дорогу и пришли к рыбакам, ловившим рыбу на озере. Они показали нам направление, и мы глубокой ночью выходим на станцию Апатит. Ребята так устали, что, совершенно серьезно, качались от ветра.

Пул-озеро, Тайбола, Лопарская, Кола... приближаемся к Мурманску. Мы уже далеко за Полярным кругом.

На перегоне к Лопарской идем по самой железной дороге. Здесь мы чуть не остались на рельсах.

Смеркалось. Ежеминутно оглядывались назад, чтобы не быть раздавленными поездом. Зимой поезда идут неслышно, мы сливаемся со снегом, к тому же дорога идет в скалистых выемках крутыми спусками.

Не помню, кто крикнул. Знаю только, что совсем рядом увидел красный глаз поезда. Прыгнул в сторону и оттянул Беллу. Засыпало снежным вихрем. Лежали с минуту. А вдруг кто-нибудь остался на рельсах. Поднялись все засыпанные снегом — это прошел снегоочиститель. Поблуднели ребята. Шли молча.

И так как мы все-таки остались живы, то в этот же вечер в Шонгуе проводили собрание железнодорожников.

Когда вышли к незамерзающей Кольской бухте, повеяло совсем другим воздухом. Соленым. Морским. Удивительно свежим.

В Коле встретили несколько красивых рослых лопарок. Немного странно! Лопари ведь очень маленькие. Оказывается, все в порядке. Это — киноартисты, которые снимаются в роли лопарок для очередной экзотической северной фильма.

Скоро показывается Мурманск. Он лежит в котловине, окруженной невысокими горами у Кольской бухты. Посмотришь на город сверху. Здесь нет ни одной церкви! Свежие деревянные срубы. Новые каменные дома.

В 1915 году здесь поселились два финна-охотника, в старой, выброшенной морем, барке. Потом в связи с империалистической войной начали строить железную дорогу. И стал вырастать город. Затем пришли англичане. И сейчас еще стоят в городе английские полукруглые бараки, покрытые толем и гофрированным железом.

Растет город. Кольская бухта никогда не замерзает. Здесь проходит ветвь Гольфштрема, и сюда могут заходить суда любой мощности. На рейде стоят десятки иностранных пароходов. Англичане, французы, норвежцы, немцы.

Порт не справляется с грузами. Почти нет механизации. Под снегом лежат тысячи ящиков с дорогим импортным оборудованием. Круглые сутки работают грузчики, с „дубинушкой“ нагружая ящики на железнодорожные платформы. И все-таки не справляются. Сколько цехов, сколько фабрик ждут этих ящиков!

Мы знакомимся с траловой базой, заходим на тральщики. Эти маленькие утлые суденышки проводят по 30—40 суток в океане и тралом — особой сетью — вылавливают треску, пикшу, зубатку, семгу. Мы видели тральщиков, которые приходили из океана. Они были покрыты льдом до самых верхушек мачт.

Тяжелая работа матроса на тральщике. Нужно не только ловить рыбу, но и здесь же, на палубе, на ледящем ветру при сильной качке потрошить рыбу и засаливать.

Траловая база становится крупнейшим комбинатом. Здесь не только засольные рыбные склады. Здесь строится фильтро-завод для выработки рыбьего жира из печени тресковых пород, и этот завод будет последним словом мировой техники. Есть холодильник, судоремонтные мастерские, электростанция. И если на базе сейчас работают 30 тральщиков, то к концу пятилетки их будет 176.

Отсюда из Мурманского порта кратчайший путь до Норвегии, Англии и Северной Америки. Великий Северный путь, который свяжет Мурманск с Сибирью, откроет широкую дорогу сибирскому хлебу за границу.

Очень радушно нас принимают на военных пограничных судах. Мы агитируем моряков подзаняться лыжами. В самом деле, ведь затерло же совсем недавно „Пургу“ в Полярном

море. Кругом „Пурги“ был крепкий наст снега, а лыж не было.

Командир „Пурги“ уговаривает нас сняться на фотографии. Высокий, энергичный, умеющий быстро отдавать приказания, готовый вести „Пургу“ хоть к самому Северному полюсу, он удивительно беспомощен, когда устанавливает свой аппарат. Он ходит вокруг него на цыпочках, осторожно трогает рычажки и обращается с ним, как с малым ребенком. Фотографии конечно выходят скверными.

На берегу в особой закуте ползают тюлени, привезенные моряками из своего полярного плавания.

Наконец-то мы идем кататься на лыжах после долгого перерыва, после того, как мы оторвались от далекой Бутырской заставы, после того как прошли на лыжах 2400 километров. Идем налегке. Катаемся с гор. Делаем „телемарки“. Зарываемся в снег. Никуда не торопимся.

С нами местные физкультурники и... матросы. Матросы удивительно беспомощны на лыжах. Один из них останавливается, бросает лыжи и говорит с упреком:

— Нет, лучше любой шторм, любая качка. Но только не лыжи.

И все-таки поднимает их и ковыляет дальше.

Смотрите! Даже матросы начали учиться на лыжах!

Мурманские физкультурники ходят на беговых лыжах. А кругом горы. Ребята не знают, что такое поворот с упором, „плуг“ и „христиания“.

А ведь здесь нам придется вести, должно быть, боевые действия. И все местные лыжники должны быть обязательно горняками.

Мурманские товарищи дали нам слово, что они обязательно овладеют горной техникой.

Не смотрите на нас такими странными глазами. Не пугайтесь, пожалуйста!

Мы вовсе не трубочисты и совсем не негры. Просто окончился наш поход.

Это те самые белоснежные костюмы, из самой лучшей технической байки.

Просто мы немного измазались на бесчисленных печках. Загорели. Почернели скулы от резкого ветра.

Вот нас и трудно узнать!

Рис. 11. От незамерзающей Кольской бухты повеяло соленым морским воздухом.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Несколько слов о нашем снаряжении.

Мы шли на лыжах „муртомаа“ с горным креплением скобой и пяточными ремнями. Слово „муртомаа“ в переводе на русский язык значит — разнохарактерная, пересеченная, земля. Итак, эти лыжи, сконструированные в Финляндии, предназначены для пересеченной местности. Следовательно они должны быть очень поворотливыми и удобными для подъемов и спусков.

А между тем это далеко не так. Форма их такова, что они, несмотря на горное крепление, плохо идут в поворот и сделать на них „христианию“ или „телемарк“ весьма затруднительно. На глубоком снегу пятка лыжи глубоко утопает, затрудняя движение. При подъеме лесенкой, т. е. боком к горе перевешивает задний конец лыжи и втыкается в снег.

Следовательно этот тип далек от совершенства, несмотря на то, что в него прямо-таки влюблены финны.

Сейчас у нас приняты за основу лыжи „стандарт“. Описание их дано в книге т. Тарасова-Каслинского¹.

Эти лыжи значительно лучшей конструкции, чем „муртомаа“. Тяжесть лыжника равномерно распределяется на скользящую

¹ А. А. Тарасов-Каслинский. Лыжное дело в СССР и обучение лыжника — ФИС 1930, стр. 180, д. 1 р. 30 к., или изд. 2-е ФИТ, 1931 г.

поверхность. Их форма и хорошо загнутый носок дают возможность выполнять повороты любой трудности на любых спусках. Лыжи имеют три разновидности: беговые, полугорно-туристские и военно-охотничьи.

До сих пор о стандартных лыжах не знают в снежных районах. Мы не встретили на своем пути ни одной стандартной лыжи. В Карелии ходят на лыжах типа „идеал“ и „хаповези“ — узких и длинных, совсем не пригодных для глубокого снега и пересеченной местности.

Нужно, чтобы наши физкультурные организации приобретали лыжи стандартного типа.

Нужно продвигать их в совхозы и колхозы, на лесозаготовительные пункты, на наши границы.

И, продвигая лыжи, нельзя забывать о лыжных санях для перевозки грузов и литературы, для пулеметов и санитарных носилок и для других целей. Мы приглашаем товарищей лыжников проводить широкие опыты в этом направлении.

Что касается качества древесины наших лыж „муртомаа“, то она удивительно скверная. Лыжи излохматились до неузнаваемости. Три лыжи были сломаны в пути, причем эти поломки произошли из-за неправильного расположения слоев дерева.

Все это говорит о том, что нам еще предстоит большая работа по улучшению качества лыж. Здесь очень важно, чтобы вокруг каждой фабрики, изготавливающей спорт-инвентарь, были созданы бригады по качеству из физкультурников-общественников. Часто инвентарь выпускается плохим не потому, что нет материала и средств, а потому что не умеют ими пользоваться.

Мы считаем совершенно необходимым широко популяризировать в массах горное крепление лыж. С этим креплением лыжник чувствует себя удивительно уверенно. Он располагает собой, а не им располагают лыжи. Изучив несколько простых поворотов, он может смело лавировать на крутых спусках среди кустов и деревьев.

Это крепление особенно необходимо красноармейцу, потому что если у него под пулеметным огнем соскочит лыжа или ему придется пересечь глубокий овраг, то он будет совершенно беспомощен без крепления.

Если бы у нас не было лыж „муртомаа“ и горного крепления, то мы не могли бы так уверенно и быстро скользить ночью по сильно пересеченной местности. Мы растянулись бы на большую дистанцию, чтобы в темноте не наскочить друг на друга.

Обучение на лыжах с горным креплением так же легко, как и с обыкновенным носковым ремнем, даже еще легче.

А между тем в отношении крепления у нас до сих пор наблюдается жесточайший консерватизм.

В егерском батальоне, в Ухте, в Кестеньге мы много говорили с прекрасными лыжниками, карелами и финнами по этому поводу. Они против горного крепления, за обычные пьексы и даже за длинные лыжи. Их никак нельзя было убедить в том, что лыжник с горным креплением несравненно более боеспособен, чем без такового. И между прочим мы сами были свидетелями, как они снимали свои лыжи и несли их в руках, чтобы подняться на мало-мальски крутую горку.

Против нас будут действовать армии хорошо вытренированные, прекрасно владеющие лыжной техникой.

Лыжники-бойцы принуждены будут для скрытного передвижения пользоваться лощинами и глубокими оврагами, брать перевалы и крутые спуски. И лыжник, потерявший в бою лыжу, под огнем противника, будет обречен на верную смерть.

Доводы, которые нам приходилось слышать, что будто бы с горным креплением легко можно сломать себе ногу,— совершенно не обоснованы и нигде еще не подтвердились на практике. Только отделенный командир, т. Чиркин, признал наше крепление и то только после того, как остановился на краю пропасти.

Следовательно, мы за хорошие управляемые стандартные лыжи и горное крепление.

Один из участников нашего перехода, т. Ерко, сконструировал прекрасное крепление, которое может быть поставлено на любые лыжи и устраняет трение подошвы о скобу путем замены скобы подвижными щечками. Это крепление нужно продвинуть в широкие массы лыжников, тем более, что изготовить его „проще пареной репы“.

Мы шли в ботинках „турист“. Они хотя и называются специальными лыжными, но имеют целый ряд недостатков. Основное — в них замерзают ноги. Валенки для пяточных ремней и скоб мало пригодны: пригоняются слабо и быстро протираются. Здесь также есть большое поле для изобретательства. Нужно сконструировать такие лыжные ботинки, чтобы сочетать в них легкость кожаной обуви, прочность с теплом валенка. Например что-нибудь в роде северных „шекельтонов“ с твердой подошвой, твердым носком и брезентовым и суконным верхом, легко просыхающими.

До сих пор мы не имеем прочных хороших лыжных палок. Те, что были у нас, — бамбуковые с широкими кольцами, острыми наконечниками и прекрасными ручными ремнями, — были сделаны по специальному заказу в очень небольшом количестве. Они прекрасно выдержали переход, обнаружив слабое звено только в месте скрепления кольца с палкой. Все лыжные палки, которые мы видели на пути, включая и самодельные, имели крохотные кольца, которые проваливались глубоко в снег. Это также результат технического невежества основной массы лыжников и определенная небрежность соответствующих заготовительных организаций. Мы уже не говорим о том, что в большинстве случаев эти палки удивительно безобразного размера, не до подмышек, как мы считаем нормально, а по крайней мере на четверть метра выше головы лыжника.

Что касается смазки лыж, то в переходе мы не имели возможности испытать соответствующие мази. По совету карелов и финнов мы смолили лыжи: пропитывали нагретые лыжи жидкой смолой. Не давая большого скольжения, смоление прекрасно сохраняло скользящую поверхность от изнашивания. Советуем всем товарищам-лыжникам испытать этот способ.

Как мы ни добивались получить рецепты специальных мазей у карельских лыжников, мы не могли ничего добиться. Здесь широко еще развито секретничество. Вряд ли оно соответствует переживаемой нами эпохе.

Не касаясь вопросов прочего снаряжения, отметим: груз наш достигал двадцати кило на определенных этапах. Это слишком тяжелая нагрузка для такого рода переходов и вызывалась она необходимостью запастись на несколько дней питанием. Правда, эта нагрузка постепенно снижалась, по мере того, как исчезали продукты, чтобы возрасти снова.

Наши костюмы, сделанные из белой технической байки, оказались мало пригодными, так как не пропускали воздуха. Кроме того мешки, патронташи, винтовки выделялись на белых костюмах темными пятнами и демаскировали нас. Лучше всего по примеру егерских лыжников делать костюмы из красноармейского шинельного сукна (брюки и легкая курточка), а сверх всего снаряжения натягивать широкий полотняный халат. Он совершенно деформирует фигуру лыжника, прекрасно маскирует на снегу, и в то же время в лесу, где коричневый фон, его можно быстро снять и спрятать в сумку.

Еще отметим очки. Они совершенно необходимы в длительных переходах, потому что рассеянный свет утомляет

35

глаза, в пургу их слепит, а в яркий солнечный день режет до боли. Лучше всего брать очки в широкой оправе с желтоватыми стеклами.

Подчеркнем также: выходите возможно раньше, лучше с рассветом. Останавливайтесь на большие привалы не ранее 30—40 километров. В остальное время делайте кратковременные остановки на пять минут через каждые час-полтора. На больших привалах после еды обязательно устраивайте хотя бы короткие „мертвые часы“. Если возможно — умойтесь. Не ленитесь сменить пропотевшее мокрое белье.

Учитывайте состояние погоды, встречный и попутный ветер, состояние снега. Применяйтесь к ним так, чтобы с наибольшей продуктивностью использовать свои силы.

Если группа большая, необходимо четко распределить обязанности. В нашем составе мы имели: начальника похода (общее руководство переходом), политрука (общественно-политическая работа среди местного населения и участников), ответственного за сваряжение (смазка, сохранение и испытание качества лыжного инвентаря), ответственного за оружие, заведующего хозяйством и его помощника (руководство питанием, ведение денежных дел), санитаря (медицинский осмотр, учет состояния здоровья, оказание первой помощи), связиста-информатора (отметка контрольной книги, связь с почтой и телеграфом), квартирьера (расположение на ночлег) и фотографа.

Каждый товарищ отвечает за определенный участок работы и отчитывается перед всем коллективом.

Средняя норма нашего перехода — 70 километров. Всего было пройдено 2400 километров в 34 рабочих дня плюс 10 дней отдыха.

Нам хотелось бы подчеркнуть еще один момент. Обычно большинство физкультурников чрезвычайно небрежно относятся к физкультурному оборудованию и одежде.

Обратите внимание на массу лыжников, которые проводят свои выходные дни за городом.

Видите?

Дорогие шерстяные перчатки вместо обычных дешевых варежек, в которых к тому же так мерзнут руки. „Модные“ пьексы — вместо грубых ботинок с пяточными ремнями, которые не дают лыжам убежать от лыжника при первом же падении во время спуска с горы.

Смотрите, какой растерянный вид у лыжника, у которого оборвался носковый ремень и нет запасного. Видите, как убегает под теплую кровлю тот, кто гордо называет себя физкультурником, от первого же снежного ветерка, потому что

этот „физкультурник“ не привык носить с собой вещевой мешок с необходимым запасным снаряжением.

Вот почему мы и приводим здесь список снаряжения лыжника. Правда, список получился очень большой. Не пугайтесь! Многие из указанного у вас безусловно найдется всегда под рукой. Кое-что из одежды можно перешить из старых вещей, о которых вы, вероятно, давно забыли. Наконец кое-что можно смело отбросить из списка, тем более, если вы не собираетесь проводить более или менее длительных вылазок, связанных с ночевкой вне дома.

А так как вы, вероятно, будете приобретать снаряжение коллективно, а не „единолично“, то вопрос и совсем упрощается.

Имея всегда наготове необходимое снаряжение для кратковременных и длительных вылазок на лыжах, вы откроете богатейшие возможности, связанные с военизацией лыжного спорта и общественной работой.

Вот примерный список снаряжения лыжника, который не думает кататься только по проторенным дорожкам, прижимаясь к задворкам населенных пунктов.

Внесите в этот список коллективные исправления, связанные с особенностями вашего района и вашими вкусами.

Еще раз подчеркиваем, что список рассчитан на длительные вылазки. Для однодневной вылазки многие из указанных вещей конечно не понадобятся.

Лыжное снаряжение.

1. Лыжи „стандарт“, „телемарк“ или „муртомаа“, с неподвижным креплением.
2. Лыжные палки с кольцами большого диаметра.
3. Ботинки „турист“ или другая обувь с твердой подошвой.
4. Валенки-чесанки для одевания во время привалов.
5. Смола или деготь (пузырек).
6. Лыжная мазь.
7. Складная паяльная лампа (на коллектив).
8. Смазка для обуви.
9. Починочный материал: гвоздики, жесть, дратва, шило, молоточек, запасные ремешки, пряжка, сыромятина и кольцо.
10. Запасные лыжи и палки (из расчета 1 п. на 10 человек).

Одежда и палатки.

1. Наушники.
2. Шерстяной шлем.
3. Красноармейский шлем или шлем авиационного типа.
4. 1 пара белья егерского.
5. 1 пара белья шерстяного.
6. 1 пара белья полотняного.

7. Трусы вязаные, трикотажные.
8. 3 пары тонких шерстяных носков.
9. 2 пары бумажных носков.
10. 3 пары грубошерстных носков.
11. 2 пары шерстяных варежек.
12. 1 пара кожаных или брезентовых рукавиц.
13. Очки-консервы.
14. Шерстяной свитер.
15. Шерстяные рейтузы.
16. Лыжный костюм: широкие свободные брюки и рубашка из фланели или байки.
17. Пояс красноармейский с двумя карабинами.
18. Курточка защитного цвета на легком ватине.
19. Починочный материал для одежды.
20. Вещевой мешок с наружными и внутренними карманами, уплотненными ремнями и „треничками“ для подвязывания курточки, валенок и т. п.
21. Спальный мешок типа альпийского или одеяло.
22. Палатка (одна на 4 человека) с полотнищем для застилки земли.

Принадлежности для еды.

1. Алюминиевый котелок с крышкой-сковородкой (на коллектив следует брать несколько котелков, желательно большого размера).
2. Складной примус с набором ключей и иголок.
3. Плоский бачок с керосином.
4. Спички в жестяной коробочке.
5. Охотничий или финский нож.
6. Топорик в ножнах (один на 5 человек).
7. Алюминиевая ложка.
8. Чайная ложка.
9. Вилка.
10. Кружка эмалированная или алюминиевая.
11. Алюминиевая мисочка.
12. Фляжка.

Специальное снаряжение.

1. Электрический фонарик с запасными батарейками и лампочками.
2. Часы.
3. Плащевая сумка с компасом.
4. Приборы для наблюдений: термометры — минимальный и максимальный, барометр и т. п.
5. Фотоаппарат.
6. Биноколь.
7. Охотничье ружье.
8. Легкие весы — безмен (для взвешивания груза, продуктов и т. п.).
9. Набор карт.
10. Специальное научное снаряжение (смотря по заданиям).
11. Набор почтовых принадлежностей (марки, конверты, бумага, бланки для телеграмм).
12. Дневник, карандаши, резинка.
13. Радиоустановка.
14. Патефон маленького размера (прекрасное агитационное средство в деревне, колхозе, совхозе).

15. Если в походе участвует собака, то для нее требуется: вьюк, нагрудная лямка с длинным поводком, 2 ошейника (один из них „строгий“), намордник, миска или котелок, резиновый или брезентовый мешочек для мяса и специальная аптечка по указанию ветеринарного врача.

Мелкий инвентарь.

1. Мыло в жестяной коробке.
2. Зубной порошок и щетка.
3. 2 полотенца.
4. Гребенка и зеркало.
5. Носовые платки.
6. Индивидуальный санитарный пакет.
7. Аптечка.
8. Продуктовые мешочки и жестяные банки (для масла, сала и т. п.).
9. Документы.
10. Деньги.

Мы намеренно не останавливаемся подробно на практическом материале. Прекрасная книга Тарасова-Каслинского, о которой мы говорили выше, дает исчерпывающие данные по этому вопросу.

Не в этом главное.

Сила нашего перехода — в определенной общественной направленности. Сейчас нельзя просто ходить на лыжах, как мы ходили в прежние годы. Слишком много работы!

Смотрите. Разве мурманские лыжники не обязаны изучить Кольский полуостров? Разве бывала когда-нибудь нога лыжника, нога рабочего в отдаленных лопарских погостах? Туда летом добраться трудно — эти погосты раскинуты среди непроходимых болот. В глубине Лапландии до сих пор есть реки, которые нанесены на карту пунктиром. Может быть, там есть горы, большие, чем Хибины, и мощные залежи минералов? Разве мурманские лыжники не сумеют оказать совершенно реальную помощь социалистическому строительству, если проведут массовую исследовательскую эстафету в глубь Кольского полуострова, связавшись предварительно с соответствующими научными организациями?

Вот почему в нашем переходе мы уделили такое внимание общественной деятельности. Мы рассматривали себя прежде всего как ударную оперативную бригаду, поставленную на лыжи и призванную передать рабочий опыт в колхозы РСФСР и лесные пункты Карелии и Лапландии.

В данном случае лыжи были средством проникновения в глухие уголки Советского союза для политической работы, и количество пройденных километров давало нам больший радиус действия.

Для разрешения этих задач нужно было два условия: физическую выносливость и сноровку и серьезную общественно-политическую подготовку.

Тщательный подбор участников с учетом их общественного лица, ряд бесед и докладов на общеполитические и специальные темы (например о Карелии) до отъезда и наконец подробные собеседования на местах (Бежецк, Ухта, Петрозаводск, Кандалакша и т. д.) перед проведением каждого рейда — все это дало ту подготовку, без которой мы не смогли бы выполнить возложенную на нас задачу.

Обрисовав подробно несколько наших рейдов для опыта, мы совершенно опустили другие работы за недостатком места: день Красной армии в Сег-озере, день работницы в Конецковдо-озере, участие в конференции железнодорожников и обмене опытом в Шонгуе (Лапландия), отчетные доклады в Петрозаводске, Ухте, Мурманске, Кандалакше и других местах, многочисленные митинги и летучие собрания, связанные с местными производственными и политическими кампаниями, выступление на Всекарельском съезде советов, работа среди молодых пограничников, пионеров, школьников, посещение заводов, музеев и т. д. и т. п.

Что мы считаем необходимым отметить в опыте нашей политической работы?

1) Хорошую предварительную политическую подготовку каждого участника как общую, так и специальную (знание экономики данного района). Это дало возможность всем без исключения активно участвовать в любой работе, прекрасно ориентироваться в различных затруднениях местных организаций и приходить им на помощь.

2) Наряду с неуклонным продвижением вперед (70—75 километров в день) мы успевали проводить почти ежедневно 6—8-часовую политрабату среди местного населения путем применения расчлененного и ступенчатого рейдов, о которых мы подробно говорили выше. Преимущество этих рейдов помимо малого влияния на быстроту передвижения — большой радиус действия и возможность вовлечь в практическую работу всех участников перехода путем тщательного распределения заданий.

3) Проведение длительных общественных работ (рейд по Бежецкому району и по Карелии). Это дает возможность лучше войти в местную жизнь, глубже изучить все ее общественные и производственные процессы и следовательно оказывать совершенно реальную помощь местным организациям.

Это дает также возможность быть своеобразными передатчиками, „почтальонами опыта“, как это было например в Карелии. Там, оперируя на Севере, мы всегда базировались на собранном нами опыте Юга и передавали этот опыт северянам.

4) Быстроту доведения результатов проведенной работы до организации, давшей задания, что дает возможность этой организации принять соответствующие меры.

5) Использование местной печати для опубликования результатов пробега и агитации („Красная Карелия“, „Кандалакшский коммунист“, „Полярная правда“).

Заканчивается ли политработа с окончанием пробега? Конечно нет. Некоторые выводы следует довести до руководящих организаций. Мы обращаемся к следующим организациям с особыми письмами: в Наркомпочтель о состоянии радиовещания в лесу и почты на периферии, об отсутствии батарей, в Центриздат — об издании книжек на русском и финском языках о работе ударных бригад и лесных заготовках, в газету „Нуорикарди“ — о большем внимании к показу опыта молодежных бригад и упоре на развертывание инициативы молодежи в деле перехода на ударные методы работы, прокурору Карелии — о безобразиях с продовольствием на Сушкозерском лесозаготовительном пункте, в Петрозаводский егерский батальон — о передаче своего лыжного опыта пограничным заставам, в Осоавиахим — о внимании к северным лайкам, как служебной породе, об издании для детей книги о воспитании служебной собаки, в Сярг-озеро — о результатах работы вновь созданного колхоза, в Реввоенсовет СССР — с подробным отчетом о „рейде“ и в целый ряд местных организаций.

Вот собственно и все, что можно было сказать по поводу нашего перехода.

В Москве мы отчитывались на слете ударников-физкультурников в театре Пролеткульта. Все мы, в белых костюмах, сидели на сцене. Когда докладчик рассказывал о переходе и упоминал о Белле, она отвечала ему звонким лаем.

Мы вспоминали еще раз измеренные муртомовскими лыжами, отмеченные потом и болью тяжелые переходы.

Северный рейд закончен. Рейд рабочих ударников. Рейд оперативной бригады, поставленной на лыжи.

В двадцать втором году финны-красногвардейцы и красные партизаны утопали в снегах Карелии, состязаясь с лучшими в мире лыжниками.

В двадцать втором году в жестокий мороз кестеньгские товарищи три раза штурмовали неприступные скалы Топ-озера.

В тридцать первом году рабочие-ударники шли по следам двадцать второго года.

Рис. 12. Когда докладчик рассказывал о переходе, Белла отвечала ему звонким лаем.

В тридцать первом году кестеньгские лесорубы с беспримерным мужеством штурмовали высоты социалистической пятилетки.

Многое изменилось с тех пор, с двадцать второго года. Не узнать край нехоженных троп и непуганой птицы. Растет край. Растут заводы. Бегут ребятишки в школу на лыжах. Трудятся наши товарищи карелы на своей земле, своими руками. Звенят топоры в лесных дебрях. Поднимаются колхозы, и теряется почва из-под ног тех, кто осмелился поднять руку на Карельскую коммуну.

Пусть мечтают финские лапуасцы о „Великой Финляндии от моря до моря“.

Нам до этого нет никакого дела. Мы хотим мирно трудиться.

Не мешайте нам! Помните, мы научились ходить на лыжах!
 Не тревожьте нас! Это может вызвать лавину.
 И тогда заскользят к рубежам тысячи лыжников. Как один,
 уйдут все сидящие здесь, в пролеткультовском зале. Все, кто
 стоит у станков, кто работает на полях колхозов.
 Пойдет Саша Покаев в своих стареньких истрепанных ва-
 ленках, на которых он промерил шесть тысяч пятьсот кило-
 метров на лыжах.
 Пойдет отделенный командир товарищ Чиркин, работая
 своими оглоблями-палками, как мощными рычагами.
 Даже Белла радостно замахает хвостом, когда наденут ей
 вьюк на спину, и рванется вперед, как ветер.
 И эта лавина сметет все на своем пути!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От издательства	2
Люди в белых костюмах	3
Зубр	7
Почему портфель должен ехать на лошади?	9
Советские лыжники — на помощь советским исследователям!	15
Страшен не сифилис	19
В стране нехоженых троп и непуганной птицы	21
Кивач нужно взорвать	37
Мы вас помним, фашистские гадины	38
Проверяйте наши документы	43
Будь спокоен, товарищ Жуков!	45
Чтобы не повторилось!	55
Белла	59
По Кольскому полуострову	62
Некоторые выводы	69

ОГИЗ—ФИТ № 423.

Редактор Б. Н. Нелидов.
 Сдано в производство 31/VIII 31 г.
 Бумага 82 $\frac{1}{2}$ × 110 см.
 Колич. тип. зн. в печ. листе 39 904.

Тираж 15 000
 Техн. редактор А. В. Иловайский.
 Подписано к печати 5/XII 31 г.
 Печ. листов 5.
 Уполн. Главлита Б—9290.

Зак. тип. 2098. 7-я тип. „Искра Революции“ Москва, Филипповский п., 13.

1985

211

75 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
в Книгоцентр (Москва, Кузнецкий
мост, 16) и во все его отделения